

Светлана
АЛЕШИНА

Тышиште
СВЕТ

Сериал
«Попарации»

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Светлана Алешина
Тушите свет (сборник)
Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961851

Алешина С.В. Тушите свет. Не тяни за хвост: Повести.: ЭКСМО-

Пресс; Москва; 2001

ISBN 5-04-008563-X

Аннотация

В городе затишье – похоже, преступники решили переждать жару и отдохнуть от своих бандитских делишек. Главному редактору криминальной газеты «Свидетель» Ольге Бойковой даже досадно – не о чем писать. И тут буквально на голову сваливается уголовное дело: сотрудницу редакции Марину обворовал любовник. А дальше – больше... Скрывшийся красавец Луньков, оказывается, замешан еще в чем-то, иначе зачем бы его стали разыскивать бандиты, угрожая Марине по телефону. Ольге не привыкать менять амплуа газетчика на роль сыщика, ведь на таком материале можно написать замечательную статейку. Если, конечно, удастся выйти живыми из этой истории...

Содержание

Тушите свет	4
Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	55
Глава 5	67
Глава 6	78
Глава 7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Светлана Алешина

Тушите свет (сборник)

Тушите свет

Глава 1

В середине июля наступает такая жара, что город весь замирает и будто даже начинает плавиться под солнцем, а люди становятся похожи на муравьев, утонувших в золотистом меду. Самые сообразительные переносят свою деятельность под сень загородных кущ или на пляжи, поближе к прохладной воде. Хотя одной сообразительностью здесь не обойдешься, нужно иметь еще хоть какую-то свободу выбора.

Именно с этой малостью у меня было не все ладно. У главного редактора газеты выбор один: и в зной и в любую другую погоду поддерживать тираж своего детища – добывать материалы и завоевывать сердца читателей. А поскольку газета, которую я возглавляю, носит название «Свидетель» и пробавляется материалами, имеющими отношение к миру криминала, выбраться на природу не получается.

Согласно статистике, основная масса преступлений со-

вершается не в естественных, а в каменных джунглях, поэтому именно здесь – среди дурманящих ароматов асфальта и бензина – приходится вести охоту за фактами.

Но в эти дни расслабляющая атмосфера лета, кажется, подействовала даже на самых закоренелых преступников. В городе ничего не происходило уже неделю, и я начинала не на шутку тревожиться. Возникало такое впечатление, будто все крутые парни спрятали свои пистолеты и дули пиво в тени различных кафе, сонно поглядывая на горячее марево, струящееся над городскими крышами. Впору было заполнять все газетные полосы сообщениями типа: «Что случилось в этот день сто лет назад».

И вот в одно прекрасное утро, пользуясь моментом, пока жара еще не успела оформиться в дневное пекло, я попыталась собрать материал, жанр которого определила как «провокативный репортаж».

Дело в том, что ежегодно по городу Тарасову прокатывается волна неких сверхъестественных существ. Существа эти, как правило, женского пола, одетые неброско и строго, обладают феноменальной способностью находить в толпе людей, готовых расстаться с наличностью и золотыми украшениями. Последние обычно тоже относятся к женскому полу, как ни горько это признавать.

Грубо говоря, речь идет о мошенницах и их жертвах. Сверхъестественной здесь является лишь простота, с какой проворачивается дело. Техника операции обычно тако-

ва: неприметная строгая женщина подходит к юной или не очень юной девушке – возраст здесь не играет существенной роли, значительно важнее, чтобы на жертве было как можно больше золотых украшений – и сообщает ей, что ясно видит: кто-то навел на несчастную порчу, и если не принять немедленных мер, дело кончится плохо.

Меры принимаются незамедлительно и заключаются в передаче незваной целительнице вышеупомянутых украшений, наличности, а иногда и сбережений на черный день, за которыми странная парочка тут же отправляется на квартиру к жертве. Обосновывается это довольно туманно, но жертва безропотно выполняет все требования – для нее теперь главное снять порчу. Способность мыслить логически возвращается к несчастной значительно позже, когда строгая женщина уже далеко и все ценности исчезли вместе с ней. Меня всегда интересовала психология доверчивых людей, способных отдать все свое имущество первому встречному. Подобная проблема, как мне казалось, должна увлечь и читателей – особенно в мертвый сезон. Поэтому я и организовала этот репортаж.

С помощью короткого черного парика и мешковатого платья я постаралась превратить себя в ту самую строгую и неприметную женщину, которая так удачно ловит доверчивые души на улицах нашего симпатичного города. За компанию я взяла нашего фотографа Виктора, который должен был выполнять одновременно несколько задач – обеспе-

чивать визуальную часть нашего репортажа, предупреждать меня о возможных осложнениях и осуществлять функции телохранителя, если осложнения все-таки будут иметь место. Лучшего человека на такую роль найти трудно – Виктор, во-первых, никогда слова лишнего не скажет, во-вторых, фотограф от бога, а что касается остального, здесь ему тоже не найти равных – в свое время он служил в разведывательном взводе в Афганистане.

Местом охоты мы выбрали самую популярную и людную улицу – Турецкую. Я выхватывала из толпы юных девушек, которые казались мне наиболее доверчивыми, и начинала пудрить им мозги, намекая на порчу и немедленные меры, а Виктор пасся поблизости, незаметно орудуя фотоаппаратом.

Часа через два напряженной работы стало выясняться, что репортаж срывается. Может быть, это был не наш день. А может быть, парик – слишком слабая замена сверхъестественных способностей. Я даже не исключаю того отрадного факта, что гражданки города Тарасова внезапно утратили свою доверчивость, но мои провокации раз за разом терпели фиаско. Последней каплей был катастрофически лаконичный диалог с одной юной расфуфыренной особой, которая наряду с удивительно наивным личиком обладала уникальной коллекцией золотых украшений – золото сверкало в розовых мочках ее ушей, окутывало юную шейку, унизывало тонкие пальчики, и даже, кажется, на лодыжке у нее болталась золотая цепочка.

Однако на мое сообщение о порче и предложение снять с себя золотой запас, чтобы «очистить металл», розовая глупышка неожиданно сверкнула глазами и гневно сказала, ускоряя шаг: «Отстань, дура!»

После чего мне только и оставалось, что отстать. Понутив голову и опустив плечи, я стояла в своем дурацком платье посреди проспекта и чувствовала, как под париком начинают плавиться мозги.

Я подумала, что самым разумным в данных обстоятельствах будет чего-нибудь выпить, и мы с Виктором удалились под голубой тент уличного кафе, где, усевшись за маленький столик, заказали по бутылочке пива. В этот ленивый душный полдень у меня было, пожалуй, единственное предчувствие – что газета наша горит синим пламенем. Любое садово-огородное издание даст нам сто очков вперед. Однако дальнейшие события показали, что на этот раз мои предчувствия дали сбой. Но выяснилось это несколько позже, когда мы вернулись в редакцию.

На рабочем месте присутствовал лишь Сергей Иванович Кряжковский, мой заместитель, человек обязательный, мудрый и обладающий неоценимым жизненным опытом. Ему не нужно было ничего объяснять, он все понимал с полуслова.

Недовольная собой, жарой и вообще всем на свете, я уже была готова излить раздражение в мелочной придирке по поводу отсутствия нашего юного курьера, но Сергей Иванович предупредительно объявил:

– А Рому я послал за минеральной водой, Ольга Юрьевна! В таком климате небольшой запас не помешает...

– Разумеется, нет и Марины, – проворчала я, не в силах удержаться от желания высказаться.

Кряжимский пожал плечами – я сама разрешила Марине взять три дня отгулов, войдя в ее положение. Собственно, в этом положении не было ничего необыкновенного – просто Марина, создание эмоциональное и темпераментное, опять влюбилась. С периодичностью в два-три месяца она неизменно встречалась на жизненном пути с очередным идеальным мужчиной, который переворачивал всю ее душу и завладевал всеми ее мыслями. По словам Маринки, каждый раз это было «не какое-то там увлечение, а настоящее чувство», и лишь по прошествии четырех-пяти недель начинало вырисовываться, что чувство не выдерживает проверки временем, а мужчина, которому Маринка доверилась, так же далек от идеала, как Северный полюс от Южного.

На мой взгляд, эта аксиома вовсе не нуждалась в регулярных проверках, но Марина находила новый объект, в котором угадывала черты идеала. Неудачи не могли поколебать ее пылкую душу.

Два дня назад она встретила свою новую любовь, овладевшую ею настолько, что ни о какой работе и речи быть не могло. После бурного и жалобного объяснения Марина выкланчила три дня отгулов. Я пошла на это скрепя сердце, потому что нас с ней связывает нечто большее, чем простые служеб-

ные отношения, – наша секретарша умеет бесподобно варить кофе. Лишившись этого кофе, я теряю значительную долю своей работоспособности. Может быть, именно в отсутствии этого восхитительного стимулятора крылась причина моих сегодняшних неудач.

Так или иначе, жизнь продолжалась. Я заперлась в своем кабинете, чтобы переодеться. Через несколько минут, избавившись от парика и мешковатого платья, я превратилась из неудачливой сумрачной особы в привлекательную молодую женщину с длинными светло-русыми волосами и стройной фигурой, которую выгодно подчеркивал ослепительно-белый костюм с короткой юбкой. Приняв свое естественное обличье, я почувствовала себя значительно лучше. Тем более что кондиционер в редакции работал исправно, и на время можно было забыть о царящей за стенами здания жаре. Теперь мне не хватало только чашечки кофе, сваренного Мариной, чтобы окончательно почувствовать себя человеком.

Но об этом приходилось лишь мечтать, и я поняла, что если мне так необходим глоток кофе, то придется подсуетиться самой. Я еще разок взглянула на себя в зеркало, слегка поправила волосы и шагнула к дверям.

Именно в этот момент снаружи раздался какой-то малопонятный шум, царапанье в дверь, и взволнованный голосок Марины сообщил:

– Это я, Ольга Юрьевна, откройте!

Легка на помине, изумленно подумала я и поспешно от-

перла дверь. В моей душе одновременно возникло недоброе предчувствие каких-то неприятностей и робкая надежда, что все-таки мне не придется возиться с кофе, раз уж Марина вернулась в редакцию.

Однако, как оказалось, если физически Марина и вернулась, то мысленно она находилась далеко от наших обычных забот. Она влетела в кабинет так, словно за ней гналась целая банда насильников. Вообще-то это не исключалось, потому что в голубых обтягивающих брючках и тесной кофточке Марина выглядела очень соблазнительно. Глаза ее, полные тревоги и возбуждения, занимали пол-лица.

Ворвавшись в кабинет, Маринка захлопнула дверь спиной и, уставясь на меня своими глазами, выпалила:

– Ой, Ольга, что случилось! Ты не представляешь! Только это страшная тайна! Поклянись, что никто из наших ничего не узнает! Мне нужна помощь, но никакой огласки. Я и так вся на нервах...

– Это заметно, – согласилась я. – Только учти – никаких клятв я давать не собираюсь. Во всяком случае, пока не узнаю, что случилось...

Марина посмотрела на меня испуганно, словно прикидывая, стоит ли теперь доверять мне тайну, но потом все-таки решилась.

– Хорошо, я тебе доверяю, – трагически произнесла она. – Но сначала мне нужно сесть – я едва держусь на ногах!

Держалась она, по-моему, нормально. Скорее уж, ей труд-

но было устоять на месте – так она была взволнована. Подозревая, что разговор будет долгим, я тоже уселась на свое место и достала из ящика стола сигареты. Марина от предложенной сигареты не отказалась и закурила, затягиваясь табачным дымом нервно и слегка театрально.

– Итак? – хладнокровно спросила я.

Марина взмахнула длинными ресницами и, понизив голос до шепота, сообщила:

– Мне нужен врач! У тебя есть кто-нибудь надежный?

Теперь пришла моя очередь вытаращить глаза.

– А ты, подруга, не перегрелась часом? – подозрительно спросила я. – Врачей полон город. Почему ты пришла ко мне? И что в твоём понимании значит надежный?

Марина досадливо махнула рукой.

– Ты ничего не понимаешь! – воскликнула она. – Я не могу просто так прийти к врачу. Насколько мне известно, врачи должны сообщить в милицию о каждом огнестрельном ранении. А мне нужен врач, который не станет стучать в милицию...

– Господи, что за лексикон! – возмутилась я. – Ты что – связалась с криминальным миром? И что это за огнестрельное ранение, которое ты так хочешь скрыть от правоохранительных органов? На тебе я не вижу ни одной царапины...

– Со мной все в порядке! – перебила Марина и подозрительно оглянулась на дверь. – Ранен мой единственный, понимаешь?! Хладнокровно расстрелян из пистолета!

Я недоверчиво уставилась на нее. Конечно, Марина выглядела взволнованной, но на женщину, у которой расстреляли любимого, она как-то не тянула.

– Знаешь что, – предложила я. – Расскажи все по порядку. А то у меня голова идет кругом. Ты имеешь в виду того типа, с которым познакомилась два дня назад?

– Его. Только он никакой не тип, – надула губы Марина. – Это очень симпатичный мальчик, искренний и темпераментный. Такой, знаешь, смуглый и черноволосый, со страстным взглядом... Он похож на итальянца...

– Это плохо, что мальчик, – решительно заявила я. – С твоей неустойчивой психикой нужно держаться подальше от мальчиков. По моему убеждению, тебе нужен мужчина строгий и положительный, в которого не будут стрелять из пистолета... однако все это лирика. А поскольку ситуация, в какую ты вляпалась, имеет явный криминальный оттенок, будь добра изложить ее с самого начала, ничего не утаивая. Кстати, я до сих пор не знаю, как зовут твое сокровище и где ты его выкопала...

– Его зовут Славик, – вздохнула Марина. – Точнее, Вячеслав Игоревич Луньков – я заглянула в его студенческий билет... Он учится на юридическом. И зря ты подозреваешь его в криминале. Просто здесь замешаны любовь и ревность, понимаешь?

– Ревность, видимо, к тебе? – уточнила я.

Марина кивнула с затаенной гордостью.

– А у тебя была когда-нибудь соперница, готовая убить любимого, лишь бы он не достался той, которая оказалась более достойной? – с некоторым превосходством спросила она.

Я уже поняла, что огнестрельное ранение, вокруг да около которого мы ходили, было далеко не смертельным – иначе бы Марина вряд ли пускалась сейчас в абстрактные отступления. Но именно это начинало меня бесить.

– Более достойная – это, конечно, тоже ты, – ядовито подытожила я. – Все это очень интересно, и я даже извлекла некоторую информацию из твоих рассуждений. Значит, имеется соперница, которая из-за тебя готова отправить на тот свет искреннего и темпераментного Вячеслава Игоревича... И все-таки, нельзя ли поконкретнее? Ты не боишься, что пока мы тут беседуем, он истечет кровью?

– Вообще-то боюсь, – призналась Марина. – Поэтому больше отвлекаться не буду. Мы познакомились на выставке эротической фотографии. Я попала туда случайно, но теперь думаю, что это была судьба... Он сразу подошел ко мне, и между нами будто электричество проскочило...

– Понятно, – кивнула я. – Обстановка была соответствующая...

– Много ты понимаешь! – фыркнула Марина. – Обстановка тут ни при чем – мы же взрослые люди. Слава вообще сказал, что на этой выставке внимания заслуживаю только я – ничего более эротичного он там не нашел. Он мне тоже

сразу понравился: высокий, загорелый, ослепительные зубы и золотая цепочка на мускулистой шее – он был бесподобен!

– Представляю, – хмыкнула я. – И что же дальше?

– Дальше все было как во сне, – закатывая глаза, сказала Марина. – Мы гуляли по городу и говорили, говорили... А потом он повел меня в шикарный ресторан...

– А потом предложил послушать музыку у него дома? – подхватила я.

– Предложил! – с вызовом сказала Марина. – Откуда ты знаешь?

– Ну, так это обычный набор, – ответила я.

– И ничего не обычный! – рассердилась Марина. – Здесь все дело в человеке! И в чувствах. Если бы я не испытывала настоящего чувства, разве бы я осталась ночевать в чужой квартире?

– А ты осталась?

– Разумеется! – с энтузиазмом воскликнула Марина. – У него чудесная однокомнатная квартира на Бахметьевской...

– Интересно, – заметила я. – Откуда у студента отдельная квартира и деньги на шикарные рестораны?

– Господи! Какое это имеет значение? – возмутилась Марина. – В тебе сейчас говорит профессионал, а я еще раз заявляю, что Слава не имеет никакого отношения к криминалу! Вообще он собирается стать юристом.

– А разве ты не слышала о том, что мафия теперь старается внедрять своих людей в правоохранительные структу-

ры? – возразила я. – Иногда даже оплачивает учебу. Причем институт выбирается именно юридический...

– Да ну тебя! – окончательно обиделась Марина. – Что я – бандита от порядочного человека не отличу?

– Я в этом не уверена, – безжалостно заметила я. – Но, впрочем, давай дальше...

– В общем, эти два дня мы провели у него дома. И, кстати, ни в какие рестораны не ходили! Вообще мы очень серьезно обсуждали наше будущее... В свободное от любви время, конечно, – самодовольно усмехнулась она. – И вдруг сегодня утром раздается звонок в дверь...

Марина округлила глаза и, сделав томительную паузу, посмотрела на меня.

– Кто пошел открывать? – деловито спросила я.

– Славик, – виновато сказала Марина. – Но мне стало любопытно, я завернулась в простыни и тоже выглянула в коридор...

– И что там увидела? – подбодрила я ее.

– Там было темно, но я ясно видела, что Слава разговаривает с какой-то женщиной. Потом она подняла руку, и, прежде чем мы успели опомниться, сверкнула вспышка, раздался выстрел, и Славик упал.

– А ты что? – поинтересовалась я.

– А что я? Я обалдела! Не уверена, что ты на моем месте оказалась бы расторопнее... Я стояла как столб, а эта особа выскочила за дверь и была такова! Тогда я бросилась к Сла-

вику – думала, что он убит. Но у него было только задето плечо. Правда, кровищи было – ужас! И на него тоже напало что-то вроде столбняка. Но я не растерялась – нашла марганцовку, бинт, рану промыла и перевязала. Оказалось, пуля просто чиркнула его по руке...

– Для чего же тогда тебе понадобился врач? – резонно заметила я. – Если речь идет о какой-то царапине...

– Ничего себе! – вскричала Марина. – Речь идет о моем любимом! А если у него будет заражение крови? Ты об этом подумала?

– Нет, вот об этом я не подумала, – призналась я. – Мои мысли о другом. Как твой любезный сам объяснил этот эксцентричный визит и что он намерен предпринять?

– Ну-у... – замялась Марина. – Так и объяснил. Сказал, что это была его прежняя подруга, страшно ревнивая и эгоистичная... Однако, чтобы не оскорблять память об угасшей любви, Славик не собирается ей мстить. Он только попросил приютить его на несколько дней, поскольку ему показалось, что в той квартире пока будет небезопасно...

– То есть теперь он переехал к тебе? – уточнила я.

Марина кивнула.

– Да, мы взяли такси и поехали ко мне домой. Славик чувствовал себя неважно, и я сразу помчалась к тебе. Все-таки надо показать его врачу...

– А если это криминальные разборки? – строго спросила я. – Ты сейчас в эйфории и не можешь рассуждать логично,

согласна?

– Согласна, – кротко сказала Марина. – Но, по-моему, даже без всякой логики ясно...

– А вот мне не ясно, – перебила я ее. – Ты говоришь, вы два дня не выходили из дома. Откуда же ревнивая подруга успела узнать о ваших чувствах, раздобыть оружие и принять роковое решение?

– Ну-у, я не знаю, – замялась Марина. – Может быть, она нас видела... в ресторане, например... А может, ей сердце подсказало?

– Трижды ха-ха! – уничтожающе сказала я. – С такой мистикой обращайтесь в еженедельник «Аномальные явления»! Лично я усматриваю здесь заранее продуманное намерение. Если бы не твое эффектное появление в белоснежных простынях, кто знает, может быть, мы имели бы сейчас дело с убийством первой степени, как говорят в американских боевиках...

– Ты думаешь? – упавшим голосом произнесла Марина.

– А ты хотя бы слышала, о чем эти двое говорили перед выстрелом?

– Честно говоря, нет. Они говорили очень тихо. Славик вообще, по-моему, старался, чтобы я ничего не слышала, а эта дама тоже не очень напрягалась. Я разобрала только, что интонации у нее далеко не любезные...

– И ты хочешь убедить меня, что этой женщиной управляла безумная страсть? – безжалостно сказала я. – Не удив-

люсь, если у нее и пистолет-то был с глушителем: что-то странно – на выстрел не сбежались соседи...

– Их, наверное, не было дома, – виновато сказала Марина. – Да и выстрел был не очень громкий. Хотя глушителя не было – это точно.

– Как выглядит эта женщина – описать можешь? – поинтересовалась я. – И ты не сообразила захватить с собой гильзу?

– Ой, Ольга! – взмолилась Марина. – Ты неисправима. Я просила тебя найти врача, а не раздувать сенсацию для газеты!

– Одно другому не мешает, – глубокомысленно заметила я. – Мы найдем твоему красавцу врача – у меня есть знакомый хирург. Но я ставлю тебе жесткое условие – сначала я должна своими глазами увидеть этого Вячеслава и задать ему несколько вопросов, чтобы убедиться в его достоинствах. Иначе я и пальцем не пошевелю!

– Ах, Ольга! – вздохнула Марина. – Как будто я не знаю твоего мнения о мужчинах! В тебе нет ни капли романтизма. Но я в принципе не возражаю. Тогда поедем прямо сейчас – ему, бедняжке, наверное, совсем плохо...

Итак, мы пришли с ней к какому-то компромиссу и под любопытными взглядами Кряжимского, Виктора и юного Ромки, который за время нашей беседы успел вернуться, покинули редакцию. Ни о чем не распространяясь, я предупредила, что через час вернусь.

Мы поймали такси и поехали к Марине домой. Она вре-

менно занимала (решив отдохнуть от своей коммуналки) снятую однокомнатную квартиру в многоэтажном доме на улице Севрюгина, из окон которой можно было видеть Волгу во всем ее великолепии. Ехали мы туда всего несколько минут, поднимались в лифте – то есть времени не теряли, и вряд ли господин Луньков успел бы известись от нетерпения.

Но когда мы вошли в квартиру, с первого взгляда стало ясно, что она пуста. Господин Луньков исчез, а вместе с ним исчезли все наличные деньги, которые Марина хранила без затей – в шкатулке на туалетном столике.

Глава 2

По молодости лет Маринка не держала в доме лекарств, и мне пришлось отпаивать ее остатками какого-то ликера, нашедшегося в холодильнике. Удар был слишком силен – на мою секретаршу было больно смотреть.

В первую минуту она еще как-то пыталась успокоить себя предположениями, что ее ненаглядный исчез временно, самоедостоятельно отправившись на поиски доктора. Но мне эта версия показалась очень сомнительной – сумма пропавших денег была, пожалуй, великовата для обычного визита к врачу.

– Он не может быть заурядным мошенником! – беспомощно простонала Марина. – Ведь я знаю, где он живет!

– Если настаиваешь, я согласна признать его мошенником незаурядным, – заметила я. – Во всяком случае, действует он весьма бесцеремонно.

После этого замечания Марине сделалось плохо, и мне пришлось потратить некоторое время на поиски лекарств. Покорно выпив граммов сто ликера, Марина постепенно успокоилась и смогла опять включиться в беседу.

– Так что, будем звонить в милицию? – спросила я. – Имей в виду – чем раньше приняты меры, тем больше шансов вернуть деньги!

– Господи, какая милиция? – чуть не плача, сказала Ма-

рина. – У него же пулевое ранение! Ты представляешь, в каком положении он окажется? В милиции же не церемонятся!

– Кажется, надежда в тебе еще теплится? – неодобрительно заметила я. – Между прочим, судя по его прыти, твой Славик не очень страдает от своего пулевого ранения. Может быть, стоило бы все-таки набрать «ноль-два»?

– Давай еще подождем немного! – искательно сказала Марина. – Вдруг все объяснится?

– Уж это непременно! – согласилась я. – Но меня больше беспокоят деньги, а не объяснения.

– А меня наоборот, – печально сказала Марина. – Я не могу поверить, что опять ошиблась. Давай подождем – вдруг через пять минут он вернется?

– Ты настроена как-то слишком оптимистично, – заметила я. – Увеличь срок хотя бы до десяти минут... И, кстати, у твоего избранника есть дома телефон?

Лицо Марины просветлело. Она вскочила и бросилась к телефонному аппарату.

– Как же я сама не сообразила! – воскликнула она. – Конечно! Мы собирались в такой спешке, что он наверняка что-нибудь забыл!

– Наверное, деньги, – подсказала я, но мое сомнительное остроумие прошло мимо Маринкиных ушей.

Впрочем, через несколько минут ее возбуждение угасло само собой – номер, который она набирала, не отзывался. Беспомощно посмотрев на меня, Марина опять рухнула в

кресло. На лицо ее набежала туча.

– Ладно, не расстраивайся! – сказала я. – Если ты не хочешь вмешивать в это дело милицию, то тебе остается ждать и надеяться. Тоже, в общем-то, неплохо. Но учти, завтра ты должна явиться на работу. Твои отгулы закончились. Надеюсь, до завтра ты успеешь разочароваться в своем друге окончательно, и мы сможем принять какое-то решение...

– И все-таки не рассказывай никому, ладно? – попросила Марина. – По крайней мере пока все не выяснится окончательно.

– Хорошо, – пообещала я. – Но, если окажется, что твой друг замешан в каком-то преступлении, оставляю за собой право на расследование.

– Ты собираешься написать об этом в газете? – с ужасом спросила Марина.

– Не бойся, твоя фамилия не прозвучит, – успокоила я ее. – Ты будешь фигурировать как гражданка М. Тебя это устраивает?

– Ни в коем случае! И вообще я не верю в преступление. Ты преувеличиваешь.

– Что ты называешь преувеличением? Покушение на убийство было? Кража была? Проникновение в жилище обманным путем было?

– В жилище он проник самым обычным путем, – твердо сказала Марина. – И все остальное выглядит на самом деле не так страшно, как ты хочешь это представить...

– Ну-ну, твоими бы устами... – сказала я. – Ладно, дай слово, что я могу оставить тебя одну! Потому что я не совсем уверена...

– Не волнуйся, – перебила меня Маринка. – Ты сомневаешься в моей адекватности? Я вполне адекватна. Ты уже заронила искру сомнения в мою душу. Я просто еще не полностью потеряла надежду. Все-таки это разные вещи...

– Ну что ж, будем надеяться, что из искры разгорится пламя, – заявила я. – Если будут какие-нибудь новости, не откажи в любезности позвонить, ладно?

На этом мы расстались. Но отправилась я отнюдь не в редакцию. Хотя, по мнению Маринки, все эта история пока укладывалась в рамки сложной, но все-таки интимной ситуации, я чувствовала, что напала на след чего-то большего. Маринка могла позволить себе несколько часов романтического ожидания, но мне нужны были факты, и побыстрее. Прежде всего я решила выяснить кое-что о личности студента Лунькова. О том, что он очень симпатичный и искренний, я уже знала, как, впрочем, и о том, что эти качества не мешают ему лямзить чужие деньги и быть мишенью решительных незнакомок. В этом портрете все-таки недоставало некоторых деталей, и я надеялась, что в юридическом институте мне помогут их восстановить.

Мне повезло. Хотя занятий в институте уже не было – шла сессия, – мне удалось разыскать сокурсников Лунькова, которые околачивались в коридоре, то ли ожидая консульта-

ции, то ли надеясь ликвидировать последние «хвосты». Вид у них, во всяком случае, был достаточно кислый. Это меня вполне устраивало – меня интересовали не отличники, сведущие в юриспруденции, а именно такие разгильдяи – их ничем не отягощенный мозг наверняка хранил массу всяких сплетен и слухов.

Студентов, на которых мне указали, было четверо. Все они были представителями сильного пола, и уже одно это располагало их ко мне – я поняла это по тем жадным оценивающим взглядам, какими они ощупывали мою фигуру. Я остановила выбор на одном из них – щуплом блондине со смысленными глазами, чье лицо выражало легкую муку. По некоторым признакам я догадалась, что корни этих мучений уходят во вчерашний вечер, проведенный, по-видимому, чересчур весело.

Я попросила этого типа отойти со мной в сторонку, и он не без удовольствия выполнил мою просьбу, не обращая внимания на двусмысленные ухмылки приятелей.

– Чем могу служить? – с забавной галантностью осведомился он. – Кстати, меня зовут Саша. А вас, девушка?

– А девушку зовут Ольга Юрьевна, – немного надменно произнесла я, давая понять, что общение будет официальным. – У меня, Саша, к тебе серьезный разговор. Я понимаю, что в твоем возрасте трудно быть серьезным, но я тебе помогу. Сейчас принято платить за интервью. Так вот, сколько ты хочешь за ответы на несколько не слишком каверзных

вопросов? Я готова заплатить, если цена будет разумной.

Саша после этих слов немного растерялся и, кажется, слегка смутился. Он глуповато улыбнулся и почесал в затылке.

– А что за вопросы? – пробормотал он. – Я вообще-то не знаю...

– Я еще ни о чем не спрашивала, – заметила я. – А ты уже не знаешь. Наверное, ты не слишком успевающий студент?

– Не слишком, – легко согласился Саша. – У меня слабая память.

– Но, скажи, сто рублей могут ее улучшить? – поинтересовалась я.

В глазах Саши зажегся огонек надежды.

– Совсем немного, – признался он. – А что вас интересует?

– Вопросы будут несложными, – успокоила я его. – Мне сказали, что ты учишься в одной группе с Вячеславом Игоревичем Луньковым...

– Со Славиком-то? – переспросил Саша. – Ну, учусь... А что такое?

– Ты можешь рассказать о нем подробнее? – спросила я. – Видишь ли, моя младшая сестра с ним встречается, и это меня немного беспокоит. Ну, не лежит у меня душа к этому Славе! Просто по-человечески подскажи мне – есть какая-то почва для моих опасений или моей сестренке неслыханно повезло, и она повстречала идеал мужчины?

Саша не удержался и фыркнул. Впрочем, он тут же посерьезнел и, быстро взглянув на меня смышленными глазами, сказал сурово:

– Я товарища меньше, чем за три сотни, не закладываю! Это мой принцип.

– Приятно иметь дело с принципиальным человеком, – сказала я одобрительно. – Вот тебе деньги, бедный студент! И, будь добр, расскажи мне все, что знаешь про Лунькова.

Сашок заметно оживился. По нашим временам деньги были не слишком велики, но для избавления от некоторых мучений их хватало с лихвой. Мой собеседник оказался не совсем прост и в момент передачи купюр так ловко повернулся спиной к приятелям, издали наблюдающим за нами, что этот момент полностью ускользнул от их внимания. Затем он хитро посмотрел на меня и небрежно осведомился:

– Что конкретно вас интересует?

Его тон заставил меня испытать некоторые сомнения, не выброшены ли впустую мои деньги. От такого ушлого субъекта всего можно было ожидать.

– Ну, во-первых, меня интересуют связи Лунькова с женщинами, – сказала я, пристально глядя Саше в глаза. – Грубо говоря, не бабник ли он?

Мой собеседник многозначительно улыбнулся и, понизив голос, ответил:

– Вообще, будь это моя сестренка, я бы ее к Славику и на пушечный выстрел не подпустил! Это если по-честному!

– Понятно, – сказала я. – Но это ты такой решительный. Я предпочитаю действовать убеждением. А для этого мне нужны факты.

Саша пожал плечами.

– А какие факты? Я рядом свечу не держал. Просто у Славика эти бабы меняются как перчатки. То с одной тусуется, то с другой... Я его, по-моему, два раза с одной и той же не видел. Ну, это вообще-то понятно – деньжата у него водятся, а бабы любят состоятельных...

– Это ты в самую точку попал, Сашок! – заметила я. – Только раз бабы у него не задерживались, выходит, он не такой уж щедрый, а?

Студент пожал плечами.

– Я же говорю, рядом не стоял, – недовольно буркнул он. – Как у них и чего – не знаю. Тем более он обычно девчонок на стороне находил. С нашими-то, с факультета он не очень...

– А деньги у него откуда? – спросила я. – Стипендия повышенная?

Саша, не удержавшись, хохотнул.

– Ага, повышенная! – саркастически сказал он. – Персональная... Если хотите знать, Луньков до сих пор ни одного зачета не сдал! Скорее всего или вылетит он, или академический будет братъ. Я лично его здесь уже недели две не видел. Или даже больше...

– Ну хорошо, – продолжила я. – А деньги все-таки откуда? Твои предположения?

Саша скорчил неопределенную мину.

– Ну, вообще-то... – пробормотал он, оглядываясь. – Разное говорят...

– Назови хоть одно! – требовательно сказала я.

– Да кто его знает! – неохотно ответил студент. – Так, вообще... Вроде с крутыми его видели... ну, там всякие дела...

– Да, брат! – сочувственно сказала я. – Если ты и на экзаменах так же отвечаешь, как сейчас мне, то придется тебе вместе с Луньковым академический брать! А между прочим, мы с тобой не просто так лясы точим – ты же вроде как три сотни отработываешь...

Саша посмотрел на меня с некоторой гордостью, и я подумала, что, может быть, деньги все-таки ко мне вернутся. Но в следующий момент стало ясно, что гордость эта – не более чем оптический обман. Саша сглотнул горькую слюну, поморщился и неуверенно сказал:

– Вы же спрашивали, что я знаю... Я и говорю, что знаю. Не выдумывать же мне! У нас в группе, между прочим, с Луньковым никто дружбу не водил. Да он и сам как-то сторонился... То есть не то чтобы совсем... Например, он мог пивом угостить и займы по мелочи... Но так, чтобы по душам – этого не было. У него главные дела где-то на стороне...

– Получается, в институте он ни с кем дружбу по-настоящему не водил?

– Не водил, – кивнул Саша. – Хотя постойте! Забыл совсем! – Он выглядел заметно смущенным. – Его последняя

подруга как раз из нашей группы! Как-то вылетело из головы... И, между прочим, он с ней давно уже... Сейчас, правда, не знаю, может, разбежались уже...

– Ну вот! – сказала я. – То никого не было, то подруга! Неважно все-таки у тебя с памятью, Сашок! Имя подруги хотя бы помнишь?

– А как же! – сказал студент. – Ленка Горохова. У нее папаня – какая-то большая шишка в мэрии. Я не вникал. Она вообще такая... – он неопределенно помахал рукой. – Не располагает...

– А что так? – спросила я.

– Да со странностями она, – признался Саша. – Ну, во-первых, когда папа продвинутый, детки особо ни на кого внимания не обращают – у них своя жизнь. А потом у этой Гороховой, по-моему, вообще с головой не в порядке. То есть училась-то она как раз нормально – практически все сдавала на «отлично»... Ну, и внешне она ничего... Прикид на ней всегда что надо... Но, чтобы по-человечески поговорить, этого за ней не наблюдалось. Всегда чего-нибудь с подковыркой, понимаете?

– Не совсем, – сказала я.

– Ну, если она с тобой и заговорит, – продолжил Саша уже совершенно серьезным и даже взволнованным тоном, – то обязательно так, чтобы тебя унижить... И еще смотрит, чтобы проверить, как ты на этоотреагируешь. По-моему, она нас и за людей не считала... И взгляд у нее всегда был та-

кой... странный!

– Странный, говоришь? – пробормотала я. – А почему – был?

Саша смутился, пожал плечами.

– Ну-у, не знаю! – сказал он. – Слух тут был, что она академический взяла. Буквально на днях. Тоже непонятно: все сдает на «отлично» и вдруг – академический!

– У меня вообще такое ощущение, – заметила я, – что все здесь стремятся взять академический... Учиться надоело?

– Не то чтобы надоело, – задумчиво проговорил Саша. – Просто, наверное, лето действует...

– Это верно, – согласилась я. – Лето нынче выдалось на редкость... Послушай, а у кого мне уточнить насчет Гороховой? Хотелось бы с ней повидаться.

– Сильно разочаруетесь, – предупредил Саша. – А уточнить можно в деканате. Там вам все скажут...

Я рассеянно поблагодарила своего не слишком осведомленного информатора и отправилась в деканат. С потерей трехсот рублей пришлось смириться, хотя на будущее я теперь зареклась отдавать деньги вперед. За тот лепет, каким поделился со мной Саша, вполне хватило бы и десяти рублей. К образу Лунькова его рассказ вообще ничего не добавил, и только появление из небытия странной девушки Лены, которой нравится унижать окружающих, меня заинтересовало не на шутку. Конечно, щуплый, невзрачный Сашок мог что-то преувеличить, руководимый комплексом непол-

ноценности, но тот факт, что отличница в разгар сессии вдруг берет академический отпуск, настораживал. Ни с того ни с сего такие дела не делаются. Учитывая краткую, но эмоциональную характеристику этой девушки, вполне можно было предположить, что сегодня утром именно ее рука направляла пистолет на студента Лунькова.

Однако слух об академическом возник чуть раньше, чем прозвучал выстрел, значит, причина не в нем. Выстрел был уже заключительным аккордом. Но, пожалуй, делать какие-то выводы было рановато. Сначала нужно было убедиться в правдивости информации, какой снабдил меня Саша. И, положив руку на сердце, следовало признать, что эта информация не давала никаких оснований подозревать Елену Горохову в преступлении. Пока все было на уровне предчувствий. Для материала в газету этого было явно недостаточно.

В деканате меня встретили без энтузиазма. Сессия – слишком напряженный период, чтобы отвлекаться на посторонние дела. Мне пришлось пустить в ход журналистское удостоверение и все резервы обаяния, прежде чем одна из деканатских чиновниц соизволила порыться в бумагах и скупой подтвердила, что студентка Горохова Елена Артуровна находится в академическом отпуске по состоянию здоровья. Подробности относительно этого самого здоровья и вообще личности Гороховой обсуждать никто не захотел. Об этом мне посоветовали справиться у Елены Артуровны лично. Меня называли девушкой и сварливо поведали:

– У нас тысяча студентов! Если мы будем у каждого выяснять личность, работать некогда будет!

Из всего этого я сделала вывод, что в юридическом институте газета «Свидетель» вряд ли пользуется популярностью и едва ли мне стоит надеяться на особую откровенность. Мне даже не сообщили домашнего адреса Гороховой, сославшись на то, что личное дело уже находится в архиве. Причина была надуманной – просто со мной никто не собирался возиться. Конечно, я не унывала. Как-никак, а что-то интересное мне удалось разузнать. Несмотря на всю приблизительность информации, парочка вырисовывалась весьма колоритная. Профессиональное чутье подсказывало мне, что этими двумя молодыми людьми двигала не одна любовь, если она вообще присутствовала в их отношениях.

Меня так и подмывало отправиться на поиски Елены Гороховой, но сдерживало обещание, данное Маринке. Сначала следовало убедиться, что ее возлюбленный не вернулся и вся эта история из интимной окончательно превратилась в криминальную. До этого мне было бы неловко разворачивать бурную деятельность. Марина жестоко обиделась бы на меня.

Вернувшись в редакцию, я первым делом поинтересовалась, не было ли звонков.

– Увы, Ольга Юрьевна! – сочувственно сказал Кряжимский. – Все о нас забыли! Жизнь застыла, как ртуть на градуснике. Ничего не происходит, представляете? По сводкам

ГИБДД, даже снизилось количество происшествий на дорогах! Чем увлечь читателя, Ольга Юрьевна? Не нарушениями же правил торговли мясными изделиями в жаркий период!

– Как знать! – заметила я. – Может быть, придется занять-ся и этим. Во всяком случае, готовьте пока резервный номер, Сергей Иванович, а там что судьба пошлет...

Сергей Иванович деликатно кашлянул.

– У нашей Мариночки неприятности? – справился он вскользь. – Она так стремительно появилась и так же стремительно удалилась... Все мужчины интересуются, Ольга Юрьевна. Может быть, требуется помощь?

Я слабо улыбнулась:

– Ну чем может помочь нам мужчина, Сергей Иванович? Нам, женщинам, которые коня на скаку остановят... Кстати, о помощи! Рома, у меня есть сведения, что ты затарился прохладной минералкой?

Ромка, внимательно прислушивавшийся к разговору, с готовностью поднялся со стула.

– Вам принести, Ольга Юрьевна?

– Да, – сказала я. – И целую бутылку!

Я прошла в кабинет и уселась за стол, предвкушая, с каким наслаждением утолю жажду. И в этот миг зазвонил телефон.

Я сняла трубку и услышала срывающийся, плачущий голос Марины.

– Ольга, это ты? Слава богу! Приезжай ко мне, потому что

я боюсь!

Глава 3

Может быть, жизнь в городе и застыла, но я-то бегала по этому городу как заведенная. Разумеется, я даже забыла победать, а Марине не пришлось в голову угостить меня даже кофе. Она была в полном смятении. Образно говоря, от ее лучезарной любви остались одни обугленные черепки.

Причиной тому стали два телефонных звонка, которые последовали на ее номер во второй половине дня. Рассказывала она об этих звонках замирающим от страха голосом, отчаянно жестикулируя и широко открыв глаза.

– Представляешь, только ты ушла – позвонил он! – сообщила Марина, едва я ступила через порог.

Одновременно она крепко сжала мою руку и быстро взглянула на лестничную клетку, словно опасаясь, что я привела с собой «хвост».

– Это он тебя так напугал? – осведомилась я, когда Марина заперла дверь на все замки и цепочки.

– Он меня не напугал! – твердо заявила Марина. – Он меня разочаровал!.. И разозлил вдобавок... Представляешь, сначала он минуту изливался мне в любви, а когда я окончательно потеряла терпение и потребовала объяснить, что все это значит, он только заявил, что не может пока ничего сказать...

– Совсем ничего? – удивилась я.

– Ну-у, почти ничего, – махнула рукой Марина. – Он был очень уклончив. У него, видишь ли, небольшие неприятности, и ему нужно на время исчезнуть. Просил меня не искать – это, мол, бесполезно.

– Надеюсь, ты напомнила ему насчет денег? – поинтересовалась я.

– Деньги он обещал вернуть, – фыркнула Марина. – Сказал, что никогда бы не поступил таким образом, если бы не обстоятельства. Он, видишь ли, надеется, что я сумею его понять и простить!

– Ну и как, не зря он надеется? – Я внимательно посмотрела на ее взволнованное лицо. – Наш искренний и очаровательный принц?

– Ну, ты уж выдумашь! – негодуя сказала Марина. – У меня теперь открылись глаза! И никакой он не принц, а самый обыкновенный аферист!

– Неужели у тебя не осталось никаких сомнений? – на всякий случай, спросила я.

– Да ты послушай, что было дальше! – трагически прошептала Марина.

К тому времени мы успели добраться до комнаты и усесться на диване. Это было очень кстати, потому что сообщение Марины звучало поистине сногшибательно.

– Только я немного пришла в себя после беседы с этим ничтожеством, – продолжила Марина, – как мне опять позвонили... И какой-то хам – другого слова я не подберу –

нагло потребовал к телефону Лунькова, представляешь?!

– С трудом, – призналась я. – Получается, что за вами следили?

– Не знаю, что получается, – возбужденно подхватила Марина. – Но я посоветовала этому хаму искать Лунькова в другом месте... А он... – голос ее дрогнул и прервался.

– Не томи! – сказала я.

– Он сказал... что лучше знает, где кого искать... И пообещал отрезать Лунькову уши.

– Я бы предложила отрезать ему кое-что другое, – легкомысленно заметила я.

– Перестань! У него был такой голос... Не знаю, как объяснить... В общем, он не шутил, я в этом уверена. Он обещал и со мной разобраться, если я буду валять ваныку, как он выразился...

– Но ты хотя бы сказала ему, что не имеешь теперь ничего общего с этим аферистом? – поинтересовалась я.

– Мне это в голову не пришло, – сказала Марина. – Я еще сама не вполне свыклась с этой мыслью. Да этот бандит мне и не поверил бы.

– Почему ты думаешь, что это непременно бандит?

– А кто же он, интересно? Солист балета?

– По нашим временам это может быть кто угодно, – убежденно заявила я. – Но все равно, дело принимает очень неприятный оборот. Я бы посоветовала тебе переночевать сегодня в другом месте.

– Я и сама об этом думала, – ответила Марина. – Мне просто было страшно выходить одной из дома. Ты проводишь меня до моей коммуналки?

Мне очень не хотелось опять тащиться через весь город, тем более что в этом не было никакой необходимости.

– Я провожу тебя до троллейбуса, – твердо сказала я. – Кто бы ни был этот человек, ты его вряд ли интересуешь. Кстати, уверена, что он не знает тебя в лицо. Мне сейчас пришло в голову, что никто за вами не следил. Просто твой возлюбленный звонил по твоему телефону туда, где имеется определитель номера. А когда он это сообразил, было уже поздно. Ему только и оставалось, что позаимствовать у тебя деньги и дать деру. По всей видимости, те, кому он звонил, еще не потеряли надежды договориться. Поэтому они и намекали тебе насчет ушей. Но к вечеру они будут разочарованы так же, как и ты. Тогда они, без сомнения, наведаются сюда.

– Да ты что?! – ужаснулась Марина. – Может быть, попросить милицию, чтобы они устроили здесь засаду?

– Да, конечно! – саркастически заметила я. – Милиция обожает устраивать засады! Раньше надо было думать. Например, поставить квартиру на сигнализацию...

– Раньше меня этот вопрос не волновал, – жалобно сказала Марина. – Что у меня красть-то?

– Тогда почему он тебя волнует сейчас? – спросила я. – Имущества у тебя даже поубавилось. И вообще, сдается мне, эти люди не собираются ничего красть. Они же ясно дали

понять, что их интересуют только уши...

– Тебе лишь бы шутить! – горько сказала Марина. – Что же мне делать?

– Ждать, – ответила я. – Поезжай и спокойно дождись утра. А завтра выходи на работу. К тому времени, может быть, что-то прояснится. Уж теперь-то я без всяких сомнений займусь этим аферистом, будь уверена!

– Может быть, тогда лучше обратиться в милицию? – робко спросила Марина.

– Попробуем справиться своими силами, – заявила я.

Меня уже охватил охотничий азарт, и мне вовсе не хотелось делиться славой ни с какой милицией. Я намеревалась сама распутать этот клубок.

Я проводила Маринку до конечной остановки троллейбуса. Она была вся напряжена как струна и без конца оглядывалась по сторонам. Мне удалось все-таки убедить ее, что за нами никто не следит, и усадить в троллейбус. После чего я вернулась в редакцию.

Вся мужская часть нашего маленького коллектива, несомненно, что-то подозревала. Загадочное появление Марины и моя лихорадочная активность не прошли мимо их внимания. Однако никто не пытался задавать мне никаких вопросов, а у меня не было сил ничего объяснять. Я лишь попросила Кряжимского поискать информацию о сотруднике мэрии по фамилии Горохов, а Ромке дала распоряжение сварить кофе.

Уединившись в кабинете, я попыталась собраться с мыслями. Надо признать, для одного жаркого дня случилось даже чересчур много – сегодня уже и стреляли, и похищали, и таинственно исчезали, и недвусмысленно угрожали. Пока все это не складывалось в ясную картину, но материал наклеивался многообещающий.

Я решила начать с чиновника Горохова. В отличие от других участников этой драмы – или, возможно, фарса, – солидный пост, занимаемый им, позволял надеяться, что он по крайней мере никуда не исчезнет. Правда, я вовсе не была уверена, что он согласится обсуждать со мной личную жизнь своей дочери. А может быть, он и сам не слишком осведомлен в этой области. Но другого выхода я не видела – Луньков своего адреса не оставил, а человек, интересовавшийся его анатомией, и вовсе был анонимом. Строго говоря, от господина Горохова мне было нужно совсем немного – я удовлетворилась бы адресом его дочери. С ней самой я уж как-нибудь постараюсь найти общий язык. Девчонка же должна знать, в чем замешан ее приятель.

Пока я обдумывала детали плана, подоспел Ромка с чашкой кофе и несколькими бутербродами. Оказывается, мои сотрудники обратили внимание не только на мою суету, но и на мою неприкаянность. Незамысловато, по-мужски они предприняли меры, чтобы не дать мне умереть с голоду. Бормоча слова признательности, я впилась зубами в бутерброд. Ромка деликатно и бесшумно покинул кабинет, чтобы не ме-

шать моей трапезе.

Когда же я насытилась и почувствовала прилив новых сил, появился Кряжимский с распечаткой, в которой содержалась информация о Горохове. Я внимательно изучила ее.

Ничего экстраординарного в биографии этого человека не просматривалось. Горохов Артур Евсеевич, сорока шести лет, прошел довольно обычный для государственного служащего путь. Школа, экономический вуз, комсомольская и партийная работа, затем место заместителя директора крупного химкомбината, депутатство в городской Думе, наконец работа в мэрии, где он возглавил отдел с замысловатым названием, которое периодически изменялось, – проще говоря, этот отдел координировал частную торговлю в городе. Мне подумалось, что такая должность наверняка заставляла многих людей искать дружбы с человеком, ее занимающим, и здесь крылись предпосылки для многих злоупотреблений. Но какая могла быть связь между крупным чиновником и разгильдяем-студентом, было совершенно неясно.

Рабочий день подходил к концу. Наши мужчины, разочарованные моим молчанием, кажется, собирались расходиться по домам. Мне и самой стало очевидно, что сегодня уже ничего нового узнать не удастся. Я отпустила всех и сама отправилась домой. Навестить Горохова я решила с утра пораньше. Придя домой, я первым делом приняла ванну. После дневной беготни я чувствовала себя так, словно меня всю измазали клеем и вывалили в песке. Лишь вымывшись и пе-

реодевшись во все чистое, я поняла, насколько вымоталась. Сил моих хватило лишь на легкий ужин и на просмотр вечерних новостей по телевизору. Думать ни о чем не хотелось. Меня подбадривала только мысль о том, что Маринка завтра выходит на работу, а значит, к моим услугам снова будет ее искусство готовить кофе. Наверняка этот волшебный напиток прибавит мне сил. С этой успокоительной мыслью я и заснула.

Новое утро встретило меня солнечным светом в окне и пронзительным щебетом птиц. Им можно было щебетать, а мне опять предстоял жаркий день – и в прямом, и в переносном смысле. В редакции все были предупреждены, что я появлюсь с опозданием, поэтому после легкого завтрака я отправилась в мэрию.

Понимая всю серьезность этого предприятия, я нарядилась в серый деловой костюм и сделала строгую прическу. Меньше всего мне хотелось, чтобы Артур Евсеевич видел во мне представителя бесцеремонного племени папарацци. Я была намерена играть роль журналиста старой закалки, привыкшего сверять каждую строку своих материалов с вышестоящими товарищами. Мне казалось, Горохову это придется по душе.

Однако моя предусмотрительность оказалась напрасной. Мне не удалось встретиться с Гороховым. Уже когда я отыскала в коридорах мэрии нужный кабинет, меня насторожила обстановка какого-то ледяного спокойствия, царившего во-

круг него. Никто не дожидался приема, деловитые клерки не шмыгали взад-вперед через солидную дверь, и даже телефоны не трещали озабоченно, как это происходило в кабинетах по соседству.

Я проникла в приемную и столкнулась с коротко стриженной девушкой в белой кофточке и ослепительно-красной юбке, которая с необыкновенно серьезным видом поливала цветы, во множестве украшавшие это помещение. Я поздоровалась и спросила, могу ли увидеть Артура Евсеевича.

– Вам назначено? – осведомилась девушка, озабоченно хмуря лоб.

– Нет, – ответила я и продемонстрировала секретарше свое удостоверение. – Мне просто хотелось побеседовать. Я из газеты «Свидетель».

Морщинки на лбу девушки разгладились. Она посмотрела на меня с неприкрытым восхищением.

– Вы, правда, из «Свидетеля»? – бесхитростно спросила она. – Вот здорово! Я обожаю эту газету. Всегда ее читаю – у меня от нее мороз по коже!

Этот своеобразный комплимент меня обнадежил. Приятно встретить понимающего человека. Я скромно улыбнулась.

– Так как – мне удастся поговорить с Артуром Евсеевичем?

– К сожалению, нет, – со вздохом сказала девушка. – Артура Евсеевича сегодня не будет. Во всяком случае, в первой половине дня...

– Вот как? – разочарованно проговорила я. – Как неудачно получилось!

Секретарша посмотрела на меня сочувственно-виноватым взглядом и, видимо, желая хоть как-то сгладить безвыходность ситуации, пояснила доверительно:

– Артур Евсеевич сегодня провожает дочь за границу... Она сначала поедет в Германию, а потом в Швейцарию, что ли... Я точно не знаю.

Это меня очень заинтересовало.

– Дочь? – переспросила я. – Елену?

– Да, кажется, – подтвердила секретарша. – Вы ее знаете?

– Только понаслышке, – сказала я. – Но с удовольствием бы познакомилась. Она, кажется, учится в юридическом?

Девушка застенчиво пожала плечами.

– Я недавно тут работаю, – призналась она. – Еще не привыкла. Сами понимаете, Артур Евсеевич со мной не особенно делится...

– Понимаю, – сказала я. – Значит, вы не в курсе, зачем она едет за границу – учиться, отдыхать, лечиться?

– Не в курсе, – сожалеюще сказала девушка. – Я могу чем-нибудь еще помочь?

Я на секунду задумалась.

– Вот если бы вы сумели записать меня к Артуру Евсеевичу на прием! – предложила я. – Это было бы здорово.

Секретарша охотно кивнула.

– Знаете, что? Приходите завтра к одиннадцати часам! –

сказала она. – Список уже составлен, но я сумею провести вас первой.

– Замечательно! Не знаю, как вас благодарить.

– Пустяки! – махнула рукой девушка. – Мне ужасно нравится ваша газета.

– Еще раз спасибо! – сказала я. – Значит, договорились? Тогда до завтра!

Мы мило распрощались, и я отправилась в редакцию. Теперь у меня не было никаких сомнений, что дело завязывается интересное. В этом меня убедила поспешность, с какой исчезла из поля зрения странная девочка Лена. Внезапный академический отпуск, внезапный отъезд за границу – за этим явно что-то скрывалось. Вряд ли, впрочем, господин Горохов снизойдет до объяснений. Поэтому надо было срочно что-то придумывать. Единственная моя зацепка выехала в Германию, а заграничные командировки в нашей газете пока не вошли в обычай. Оставалось одно – собирать общее совещание, чтобы во время «мозгового штурма» нащупать какую-нибудь идею. При этом, конечно, не удастся пощадить чувства Марины, но из двух зол следует выбирать меньшее – кто знает, какие еще неприятности готовит ей неудачный роман?

Теперь я уже не хотела, чтобы в нашем городе случилось что-то еще. Меня всерьез волновала судьба Марины, и, пока не придет убеждение, что с ней все в порядке, о других происшествиях не стоило и думать. Тем более что намеча-

ющеся расследование само по себе обещало быть перспективным.

В редакции меня ждали с нетерпением. Особенно это относилось, конечно, к Марине, которая ни с кем из мужчин не делилась своими секретами, и это еще больше накаляло обстановку. Внешне это проявлялось, впрочем, лишь в любопытствующих взглядах, какими встретили меня сотрудники. Маринка не была исключением. Ее глаза безмолвно вопрошали: «Ну, что ты узнала?»

– Приготовь кофе! – скомандовала я. – И прошу всех ко мне в кабинет!

Эта короткая команда вывела коллектив из оцепенения. Заметно повеселев, все потянулись за мной в кабинет и расселись по своим обычным местам. Я не торопилась начинать, дожидаясь, пока появится, так сказать, героиня дня. Наконец она появилась с подносом, на котором стояли чашки с обжигающим кофе. Раздав его, она скромно уселась в сторонке.

– Прежде чем мы начнем совещание, – строго сказала я, – придется ввести вас в курс дела. Прошу всех проявить понимание и такт, поскольку здесь затронуты интересы и чувства человека, всем нам близкого... Речь идет о Марине. Она попала в беду и заслуживает снисхождения. Поэтому прошу всех сосредоточиться не на интимных подробностях, а на конкретных фактах, имеющих профессиональный интерес.

Пока я произносила это, Марина постепенно делалась пунцовой и в качестве самозащиты вызывающе поглядыва-

ла по сторонам. Но наши мужчины оказались, как я и ожидала, на высоте – на их лицах ничего не отразилось, кроме сосредоточенного внимания и профессионального интереса. С удовлетворением отметив это, я посвятила всех в подробности дела, которым нам предстояло заняться.

– Итак, если у кого есть соображения, – закончила я, – прошу высказываться.

– Сначала нужно выяснить, случайно ли Марина встретила этого... типа! – выпалил раньше всех Ромка и тут же покраснел, напуганный собственной решительностью. – Может быть, он ее специально выслеживал...

Марина, которая к тому времени уже обрела душевное равновесие, смерила его снисходительным взглядом.

– Никто никого не выслеживал, Ромчик! – сказала она. – Если хочешь знать, женщинам сейчас самим приходится проявлять инициативу... – И, вздохнув, добавила: – К сожалению!

– Совершенно ясно, что Марина попала в ситуацию, которая называется «в чужом пиру похмелье»! – заявила я. – Этот Луньков замешан в чем-то серьезном. Из-за любви сейчас не стреляют – это вам не бразильский сериал. И за границу срочно уезжают не просто так! Наверняка Горохов что-то знает, но вряд ли захочет делиться этим знанием. О тех, кто угрожал Марине, нам вообще ничего не известно. Можно только предположить, что они как-то связаны с Гороховым. Но это только догадки. Надо искать Лунькова и брать

его за жабры – как-никак, а на нем кража значительной суммы денег. Вопрос в том, где его искать.

– А если попробовать проникнуть в его квартиру, – предложил Ромка. – Может быть, там мы наткнемся на след.

– Это противозаконно и, пожалуй, опасно, – не согласилась я.

– Ну и что! – запальчиво крикнул Ромка. – Не станет же он подавать жалобу!

– Все-таки мне не нравится этот вариант, – поморщилась я. – Мне бы хотелось, чтобы мы действовали в рамках закона. Мне кажется, нужно пристальнее приглядеться к семье Гороховых. Нужно выяснить их связи, постараться найти тех, кто хорошо знает Елену. Лично я завтра собираюсь на прием к господину Горохову. В крайнем случае наемку ему на стрельбу из пистолета – не в его интересах доводить дело до милиции...

– Но ведь нет никакой уверенности, что стреляла его дочь! – напомнил мне молчавший до этого Виктор.

– Уверенности нет, – согласилась я. – Но в последнее время Луньков общался именно с ней. Поэтому вероятность имеется...

Неожиданно подала голос Марина, она посмотрела на меня жалобно и сказала:

– Между прочим, что мне делать? Я боюсь возвращаться в квартиру! Может, меня там уже ждут!

– Квартирой мы тоже займемся! – успокоила я Марину. –

Прямо сейчас. После совещания возьмем Виктора и отправимся туда. Но я все-таки сомневаюсь, что угрозы воплотятся в жизнь. Однако для твоего спокойствия придется тебе пожить несколько дней в твоей коммуналке.

– Возьмите и меня с собой, – стараясь говорить солидно, произнес Ромка. – Вдруг там действительно засада!

– Это заявление я оставляю без внимания, – сказала я. – Между прочим, меня немного удивляет молчание Сергея Ивановича. У меня предчувствие, что он приберег напоследок какую-то бомбу. Или я ошибаюсь?

Кряжимский развел руками и смущенно улыбнулся.

– Не ошибаетесь, Ольга Юрьевна, а только слегка преувеличиваете. У меня действительно есть кое-какая информация. Назвать ее бомбой трудно, но она проливает свет на некоторые детали... Не исключено, что они имеют отношение к нашему делу.

Кряжимский полез в карман и достал какой-то листочек. Все взгляды сосредоточились на этом клочке бумаги, а Сергей Иванович неторопливо продолжил:

– После того как вы, Ольга Юрьевна, заинтересовались данными на Горохова, я позволил себе порыться в кое-каких анналах... Поскольку фамилия показалась мне знакомой и отнюдь не в связи с делами управленческими... Вот что мне удалось выяснить! Об этом случае в печати почти не упоминалось, и ничего странного, что он ускользнул от вашего внимания. Однако в уже несуществующей газете «Суббот-

ний репортер» мне удалось раскопать вот какую заметку о происшествии в Караманском районе, случившемся в сентябре минувшего года... – Сергей Иванович для вида заглянул в бумажку, но продолжал излагать своими словами. – На территории тамошнего заказника некая троица охотников-любителей устроила ночную охоту на косуль с джипа под светом фар. Насколько я понимаю, закон в данном случае был нарушен трижды: во-первых, на территории заказника охота вообще запрещена, во-вторых, был не сезон, и, в-третьих, методы охоты применялись варварские. Но даже не это было самым ужасным. Нашим героям попытался воспрепятствовать егерь Артамонов. И это закончилось для него очень печально. Возник конфликт, в результате которого один из охотников выстрелил в егеря из карабина, тяжело ранив его. После этого охотники с места происшествия скрылись... Так вот, одним из них был как раз некий Горохов Артур Евсеевич! – Кряжимский обвел нас многозначительным взглядом.

– Выходит, их вычислили? – воскликнул Ромка.

– Совершенно верно, – кивнул Кряжимский. – Все трое были в подпитии и не особенно заботились о заметании следов. Тем более Артамонов узнал одного из них – бывшего председателя Карамановского сельсовета Потягина. А третьим участником, тем самым, что произвел роковой выстрел, был тарасовский бизнесмен Букреев. Вот, пожалуй, и все, что было в заметке...

– Все? – разочарованно переспросила я. – Но что же было

дальше?

Сергей Иванович сделал эффектную паузу и скромно ответил:

– Я позволил себе поинтересоваться продолжением этой истории через одного знакомого адвоката. Продолжение самое обычное. Следствие шло ни шатко ни валко, с большими огрехами. Кроме того, по слухам, на следствие оказывалось не явное, но настойчивое давление. Кое-как дело добралось до суда, но заседания постоянно откладывались по тем или иным причинам... Мой знакомый убежден, что виновный отделается легким испугом, если вообще не будет оправдан. Большого сообщить вам не могу, потому что, сами понимаете, подробностей выяснить не успел...

В кабинете на минуту воцарилось молчание.

– По-моему, ясности это не добавляет, – заявил наконец Виктор.

– Если не убавляет, – добавила я.

Сергей Иванович развел руками и проговорил с улыбкой:

– Прошу прощения, друзья, но я сообщил лишь то, что успел узнать! Я не обещал вам, что сразу все объясню. Однако призываю вас не торопиться с выводами. Эта история на охоте может оказаться ложным следом. Но, с другой стороны, кто знает? Нужно покопаться основательнее... Знаете, что я предлагаю, Ольга Юрьевна? Случай этот сам по себе интересен и к тому же прошел мимо нашего внимания – поэтому я хотел бы съездить в Караманский район, встретить-

ся с потерпевшим. Это не так далеко, и я еще успею на автобус...

— Ну что ж, вы, наверное, правы, Сергей Иванович, — согласилась я. — Так и поступим. Вы отправляйтесь в район, а мы заглянем домой к Марине. Ромка остается в редакции — за главного... Возражения есть?

По глазам Ромки я видела, что у него есть возражения, но решила оставить их без внимания. Его бы воля, в редакции сидели бы мы, а Ромка занимался расследованием, пожиная соответствующие лавры. По этому пункту наши мнения расходятся категорически и постоянно.

Разумеется, ему пришлось смириться, а мы втроем отправились на квартиру к Марине. На этот раз я не испытывала никаких предчувствий, зато заметно нервничала Марина. Ей мерещились разные ужасы. Виктор хранил невозмутимое молчание до той поры, как мы прибыли на место.

Прежде чем Марина открыла ключом дверь, он мягко отстранил ее и внимательно осмотрел замочную скважину, потом кивком дал понять, что все в порядке, никто в замке не ковырялся.

Марина пожалала плечами и нетерпеливо открыла замок. Мы вошли в квартиру и, настороженно глядя по сторонам, осмотрели все уголки. По моему мнению, ничего здесь с вчерашнего дня не изменилось, и я была уже готова произнести что-то вроде обычного: «Ну вот, а ты боялась, дурочка!», но вдруг Марина тихонько охнула и побледнела. Ее дрожащий

пальчик указывал на книжные полки.

– Здесь кто-то был! – обреченно сказала она. – Третий и четвертый тома Гете переставлены местами! Здесь что-то искали!

Глава 4

На следующее утро Кряжимский не появился. Следовало понимать так, что в Караманском районе он задержался на ночь и наверняка вернется с какой-то информацией. Она бы не помешала мне перед встречей с господином Гороховым, но, позвонив на автобусную станцию, я выяснила, что автобус из Карамана придет не раньше, чем в тринадцать часов. Таким образом, приходилось действовать наугад, рассчитывая на откровенность Артура Евсеевича.

Вчерашняя проверка Маринкиной квартиры тоже мало что дала. За исключением злосчастного Гете, никаких следов посторонних злоумышленников мы не обнаружили. Признаться, насчет переставленных книг у меня тоже были сомнения, но Маринка клялась, что порядок томов нарушен. Как бы то ни было, если кто-то и рылся в ее квартире, то делал это на редкость аккуратно – мы проверили все, что можно. И если у Маринки перепутанные тома Гете вызывали прямо-таки мистический ужас, то я была настроена куда более оптимистично. Даже если обыск имел место, те, кто его проводил, старались не обнаружить себя, а это означало, что без крайней необходимости прибегать к отрезанию ушей они не намерены.

Тем не менее ночевать в этой квартире Маринка отказалась наотрез. Пожалуй, она была права. Даже если она ошиб-

лась насчет Гете, успокаиваться не следовало.

Наутро я отправила Виктора в юридический институт в расчете на то, что Луньков все-таки мог там объявиться, а сама отправилась в мэрию.

Обстановка в приемной господина Горохова сегодня чудесным образом изменилась. Телефоны трещали без перерыва, двери не закрывались, какие-то солидные люди с неподвижными глазами степенно восседали в креслах, видимо, ожидая приема. Секретарша узнала меня и приветливо улыбнулась.

Сегодня она была в коротком черном платье и выглядела особенно хрупкой.

– Посидите минуточку! – попросила она. – Сейчас Артур Евсеевич вас примет!

– Позвольте! – возмущенно загудел какой-то толстяк с аккуратной плешью на макушке. – У меня неотложное дело, и я первый в очереди...

– Мне лучше знать, кто здесь первый! – отрезала секретарша, глядя на толстяка строго и непреклонно.

Немного поворчав, тот умолк. У этой хрупкой девушки был стальной характер! Заговорщически кивнув мне, она скрылась за обитой кожей дверью, а потом, выпорхнув оттуда, сказала:

– Проходите, Ольга Юрьевна! – Оказывается, она с одного раза запомнила мое имя, а возможно, справилась о нем в газете.

Я благодарно кивнула и прошла в кабинет.

Помещение оказалось довольно вместительным и очень светлым. В светлых же тонах была выполнена и мебель – столы, поставленные буквой Т, мягкие стулья с бежевой обивкой, застекленные шкафы. В глубине комнаты за столом сидел хозяин кабинета.

Нельзя сказать, что у него была располагающая внешность. В нем сразу угадывался человек, привыкший повелевать и взыскивать за упущения. Массивная сутулая фигура, сумрачное лицо с грубыми, словно вырубленными чертами, недоверчивые колючие глаза. На мое приветствие Горохов ответил коротким кивком и вопросительным взглядом. Ему и в голову не пришло встать или предложить мне присесть.

Не слишком смущаясь таким приемом, я подошла к столу и преспокойно опустила на стул напротив Горохова.

– Ольга Юрьевна Бойкова, – представилась я с улыбкой. – Главный редактор... – Знаю! – перебил меня Горохов. – Какой у вас ко мне вопрос?

Чувствовалось, что это его обычная манера вести диалог – обескураживая собеседника и показывая свое превосходство. Но я не занималась торговлей и особенного трепета перед чиновниками не испытывала. Я решила тоже начать с обескураживающего вопроса.

– Артур Евсеевич, скажите, пожалуйста, – начала я, – вам известен Луньков Вячеслав Игоревич, студент юридического института?

Не скажу, что Артур Евсеевич изменился в лице — это за-
бронзовевшее лицо вообще менялось редко, — но могу по-
клясться, что в глазах его на краткий миг появилось смяте-
ние. Но закалка у него была на зависть — Горохов немедленно
взял себя в руки. Не пошевелившись и не отрывая от меня
взгляда, он сухо сказал:

— Не знаком. У вас есть еще вопросы?

Разумеется, они у меня были. В своем стремлении сразу
поставить меня на место Артур Евсеевич переигрывал. Было
бы естественнее вести себя в таком положении иначе.

— Простите, — сказала я. — Вопрос звучал немножко по-
другому. Я спросила, известен ли вам такой человек...

— Не известен, — так же категорически заявил Горохов. —
У вас ко мне все?

Это можно было бы назвать фарсом, если бы не жесткое,
высокомерное выражение его лица. Я закинула ногу на ногу,
давая понять, что не собираюсь пока уходить, и продолжила:

— Но ведь ваша дочь Елена училась в одной группе с Лунь-
ковым, и между ними даже были приятельские отношения,
насколько мне известно...

Артур Евсеевич холодно молчал и, не мигая, смотрел на
меня. Потом он произнес, почти не разжимая губ:

— Личные дела дочери меня не касаются. Тем более они не
касаются вас. Не знаю, что у вас на уме, да и не хочу знать,
но у меня много работы, а потому попрошу не отнимать у
меня время...

Я решила пойти ва-банк и небрежно заметила:

– Не могу утверждать, что дела вашей дочери касаются меня непосредственно, но одна моя знакомая была свидетелем, как ваша дочь стреляла в вышеупомянутого студента Лунькова. А такое дело из разряда личных переходит, насколько я понимаю, в разряд уголовных...

Артур Евсеевич опустил глаза – но не от смущения, а скорее, от глубочайшего недовольства моей беспардонностью – и тихо сказал:

– Прошу вас покинуть мой кабинет! – Рука его нащупала кнопку на столе.

– Последний вопрос! – сказала я, поднимаясь. – У вас дома есть оружие, Артур Евсеевич? Полагаю, охотничье имеется непременно, но меня интересует в данном случае пистолет...

– Вон отсюда! – резко сказал Горохов, глядя мимо меня на дверь.

Я обернулась. На пороге стояла тоненькая секретарша.

– Заруби у себя на носу, Лариса, – внушительно произнес Горохов. – Никаких представителей желтой прессы в моем кабинете! Сегодня это было в первый и последний раз. И проводи мадам на выход!

Девушка коротко кивнула и бросила на меня взгляд, полный сожаления. Я решила не подставлять ее и направилась к дверям. Но перед уходом я все же не смогла удержаться от последнего слова.

– До свидания, Артур Евсеевич! – сказала я. – И большое спасибо! Вы мне очень помогли. Теперь я уверена, что знаете вы гораздо больше, чем хотите показать. Хочу предупредить, что мы не успокоимся, пока не будем знать столько же. Желтая пресса, сами понимаете!

Горохов никак не отреагировал на мое заявление. Взгляд, каким он меня проводил, был наполнен холодным презрением. Так мог смотреть слон из басни на ничтожную моську, попытавшуюся его облаять.

Несмотря на свой задиристый тон, я вовсе не чувствовала себя на коне. Дело с мертвой точки не сдвинулось. Артур Евсеевич, как того и следовало ожидать, оказался крепким орешком. Несомненно, он что-то знал, и между его молчанием, отъездом дочери и студентом Луньковым имелась какая-то связь. Но она была нам недоступна. Единственный реальный шанс – это разыскать Славика.

Все это промелькнуло у меня в голове, пока я переступала порог кабинета. Потом я осознала, что кто-то держит меня за руку. Я подняла глаза. Секретарша Лариса виновато смотрела на меня.

– Вы на меня не обижайтесь, пожалуйста! – шепнула она. – Но я больше не смогу вас пропускать, а то меня выгонят с работы!

Я ободряюще улыбнулась ей.

– Не волнуйся, Лариса! Теперь я появлюсь, только когда Горохов меня сам позовет!

– Ой, да разве он позовет! – тихо ужаснулась девушка. – Он на вас страшно рассердился – это я вам точно говорю!

– Ничего страшного, – заверила я ее. – Просто он, наверное, читает другую газету.

Я уходила с гордо поднятой головой, но на душе у меня скребли кошки. Ничего выдающегося в этом кабинете мне совершить не удалось. Расследование не продвинулось ни на шаг. Правда, теперь я интуитивно была уверена, что в Лунькова стреляла его подруга Горохова, но что это давало? Интуицию к делу не пришьешь. А тем более не скроишь из нее сенсационного репортажа. Как я сама говорила – с такой мистикой обращайтесь в «Аномальные явления»! Вот если бы удалось доказать, что пуля, выпущенная в Лунькова, вылетела из ствола, который находится в оружейной коллекции Горохова! Но это было почти нереально – ведь я даже не была уверена, что такая коллекция существует. Значит, нужно найти человека, хорошо осведомленного в таких делах. Такой человек должен быть в милиции: вряд ли Горохов хранит у себя незарегистрированное оружие – хотя опять же кто может за это поручиться?

Таким образом, вопросов все прибавлялось, а ответов не было ни одного. И еще меня смущало то, что бегство Елены Гороховой было подготовлено раньше, чем прозвучал роковой выстрел. Он стал как бы дополнением к другим, более важным событиям, о которых мы ничего не знали.

Горохова скрылась не потому, что стреляла. Скорее всего

она решилась на этот выстрел, зная, что завтра ее уже здесь не будет. Это было похоже на запоздалую месть и, конечно, никак не было связано с нашей Мариной. Что-то произошло раньше. Но что это могло быть – нежелательная беременность, СПИД, шантаж?

Подумав о СПИДе, я поежилась. Конечно, Маринка легкомысленная и увлекающаяся девушка, но такого тяжкого наказания она не заслуживает. Мне оставалось надеяться, что в своем предположении я ошиблась, и молить бога, чтобы причиной конфликта было что-нибудь попроще.

Вернувшись в редакцию, я не стала ни с кем делиться своими сомнениями и лишь коротко поведала, что мои усилия не дали положительных результатов и все нужно начинать сначала.

Виктор, который уже успел побывать в юридическом институте, коротко сообщил, что у него тоже нет ничего утешительного. Луньков в институте не появлялся, но его там уже разыскивали до нас какие-то крутые парни с бычьими шеями. А закончил он совершенно конкретным предложением:

– Нам нужно попасть в квартиру Лунькова!

– Об этом мы уже говорили! – поморщилась я. – Представляешь, в каком мы окажемся положении, если нас застукают? И еще вопрос, найдем ли мы там какие-то следы. Если считать, что те же самые люди обыскивали квартиру Марины, то надо признать, что следов они оставляют на удивление мало.

Виктор не стал спорить. Вообще-то он человек с характером, порой даже отчаянный, но уважение к дисциплине и субординации сохранилось в нем со времен армейской службы.

В глубине души я и сама понимала, что Виктор прав. Сергей Иванович скорее всего ничего существенного не узнает, а этот Луньков наверняка зависнет теперь у одной из своих подружек, которых у него миллион.

Ясно было, что, проникнув в квартиру, мы обязательно что-то узнаем о ее хозяине – есть же у него какие-то счета, письма, записные книжки. Может быть, мы сумеем найти пулю или гильзу...

Потеря времени вела к тому, что возвращение Маринкиных денег становилось задачей все более бесперспективной. К тому моменту, как Луньков объявится сам, у него может не остаться ни денег, ни головы. В принципе, газетный материал от этого даже выиграл бы, но я все-таки предпочла бы менее кровавый финал. Но пока я была не готова к тому, что на юридическом языке называется нарушением неприкосновенности жилища. Я еще очень надеялась на расторопность Кряжимского.

Он появился гораздо позже, чем мы ожидали. Сергей Иванович выглядел усталым, но был чисто выбрит и благоухал одеколоном. Костюм и рубашка были абсолютно свежими, а носки ботинок даже не запылились. Поймав мой удивленный взгляд, Кряжимский пояснил:

– Прошу прощения за задержку, Ольга Юрьевна, но я не решился явиться в общество сразу с автовокзала. Предварительно я заехал домой и немножко привел себя в порядок... Надеюсь, вы на меня не сердитесь, тем более что вряд ли добытая мной информация прояснит ситуацию...

Я попросила Сергея Ивановича не беспокоиться насчет задержки и поинтересовалась, пообедал ли он. Кряжимский махнул рукой:

– С этим успеется. Впрочем, от чашечки кофе я бы не отказался...

Я немедленно отправила Маринку варить кофе, а Ромку услала за гамбургерами. Отчет о проделанной работе Сергей Иванович, таким образом, делал мне и Виктору. Он начал без предисловий.

– Прежде всего хочу сказать, что я получил бездну впечатлений! Если честно, я уже забыл, когда последний раз выбирался из города. Это незабываемо – лес, поля, река... Великолепный воздух! Нет, в самом деле, брошу-ка я все и переселюсь в деревню, Ольга Юрьевна! Живем мы здесь и не знаем, какая красота вокруг.

Глаза Сергея Ивановича подернулись мечтательной дымкой, а на губах появилась рассеянная улыбка.

– Стоп-стоп-стоп! – проговорила я поспешно. – Это какой-то лирический репортаж, Сергей Иванович! Но мне помнится, в этих райских местах совершено преступление? Или у вас теперь другие сведения?

Улыбка Кряжимского сделалась грустной.

– Увы, Оленька! – со вздохом сказал он. – Сведения те же... Я бы сказал, варварская цивилизация простерла свои щупальца и в этот благословенный уголок! Все обстоит даже хуже, чем можно было предполагать. Мне удалось встретиться с егерем Артамоновым. Его рассказ не располагает к оптимизму. Случай, описанный в газете, далеко не единичный. Оголтелое браконьерство стало повседневной реальностью. К сожалению, виновные, как правило, уходят от ответственности или отделываются смехотворными штрафами. Как вы знаете, охота всегда пользовалась популярностью среди сильных мира сего – отсюда и проблемы. Можно сказать, что и случай, произошедший в сентябре прошлого года, доведен до судебного разбирательства только потому, что серьезно пострадал человек, и замять дело не удалось – сам потерпевший и его родственники проявили характер... Однако утверждать, что справедливость будет восстановлена, рано. Сейчас я вам включу запись, которую сделал в доме Артамонова. Он находится на больничном, продолжает лечение... После полученного ранения здоровье его сильно пострадало, и еще вопрос, сможет ли он вернуться к работе... Впрочем, послушайте сами, здесь у меня записан рассказ Артамонова о том злосчастном дне и дальнейших его мытарствах... Не знаю, прибавит ли это ясности нашему делу, но рассказ сам по себе поучителен.

Кряжимский достал из кармана диктофон, поставил его

на стол и нажал кнопку. Из динамика послышался глуховатый усталый голос. Артамонов вел рассказ рассудительно, без эмоций, точно вспоминал о чем-то очень далеком...

Глава 5

...Здесь, в заказнике, я работаю двенадцатый год. Ну, как сказать – работаю? Работал – это точнее. Теперь пока не то что работать... Не жизнь получается, а маета. Здоровье никак в норму не придет, все по врачам мотаюсь. После ранения и другие болячки наружу вылезли. Да чего об этом говорить! Слава богу, что живой остался. Врач, который меня оперировал, сказал, что мне повезло – сантиметром выше, сантиметром ниже – и отлетела бы душа. В общем, везуха!

Но я не о том. Пуля, она вошла и вышла, рана заросла. Обида вот не проходит. Раньше, при советской власти, тоже всякое бывало, но, конечно, не в тех масштабах. Основная напасть была, когда областное начальство понаедет. Потягин тогда у нас председателем сельсовета был – очень он любил для приезжих охоту устраивать. И тоже не смотрели – заказник или не заказник, сезон или не сезон. Но все-таки, повторяю, масштабы были не такие. А со своими местными мужичками у меня вообще разговор был короткий, спуску им не давал! В общем, браконьерствовали и раньше, но, как бы сказать, в рамках, что ли...

Сейчас хуже во много раз стало и опаснее. И начальства вроде прибавилось, и всякие бизнесмены тоже сюда потянулись. И ведь что обидно – охотятся без понятия, без азарта даже! Так просто – «оттягиваются» после трудов правед-

ных. Оружие вот тоже любое появилось. Если деньги имеются – вооружайся чем хочешь. И никто вроде и не следит за этим. Тут тебе и карабины нарезные, и помповые ружья, и что угодно! Иной раз, не поверите, с «калашниковым» охотятся! И редко кто трезвый. Ну и представьте, что пьяный человек с автоматом натворить может!

Ну, как-то до того сентября все обходилось. Конечно, зверья поубивали немерено! И лосей, и косуль, и кабанов. А иной раз, если охотники совсем уж никудышные, начинают по сорокам да по дроздам палить – что на глаза попадется. Такое, поверите, зло берет! Ну, захотелось тебе пострелять – иди в тир, что ты природу гродишь без смысла и нужды?

Не понимают люди. Сколько раз так было – поймаешь кого-нибудь на месте, так сказать, преступления и пытаешься ему втолковать, что нехорошо это, не по-человечески. Говоришь ему – посмотри, мол, красота какая вокруг, богатство какое! Для тебя же все это, для детей твоих! Зачем разорять? А по глазам вижу – не понимают. И во взгляде только ненависть ко мне – зачем поперек встал?

Но я поперек всегда вставал и вставать буду! Если не вставать – через десять лет тут ничего, кроме мышей, не останется, точно вам говорю! Этим-то, стрелкам, им все равно, а мне важно, чтобы рядом со мной лес жил, и чтобы зверь в этом лесу жил, как ему это отведено. Я думаю, дети наши все-таки умнее будут и нам спасибо скажут, если мы природу для них сбережем.

Ну а насчет того случая чего рассказывать... Сентябрь был. Теплый он в прошлом году выдался. В лесу желтизны-то еще совсем не замечалось. Я днем участок свой объезжал и тут на них первый раз и наткнулся. Прямо на лесной дороге. У них джип на обочине стоял – как теперь говорят, навороченный, – а сами они рядом курили и беседовали. Одного-то я сразу узнал – Потягин Семен Семенович, наш председатель сельсовета бывший. Теперь-то он АО возглавляет, которое вместо колхоза. АО это в долгах как в шелках, но сам Семен Семенович живет неплохо – он это умеет. Он меня, конечно, тоже узнал – я ему сколько раз костью в горле бывал. Ну, поздоровались мы сначала. Потом я спрашиваю – для чего здесь, не охоту ли затеяли? А Потягин прямо не отвечает, а посмеиваясь, спутникам своим объясняет – вот, мол, это Артамонов, гроза и цербер здешний.

Спутники его слушают и на меня поглядывают, только мрачновато как-то, они мне сразу не понравились. Я по их глазам понял, что добра ждать не приходится. Публика такая – привыкли, чтобы все было так, как они пожелают.

Ну, я тоже к таким привычный. Официально им объявляю, что на территорию заказника въезд на транспортных средствах запрещен, и прошу покинуть угодья незамедлительно. На всякий случай напоминаю и об охоте – ни-ни!

Эти двое хмурятся и молчат, но вижу, что уже едва сдерживаются. Особенно один, высокий, стриженный почти под ноль, с белыми бровями – чувствуется, готов меня матом по-

крыть от и до. Второй-то, пониже ростом, сутулый, тот поспокойнее казался, но тоже недоволен был. А Потягин знай себе смеется.

– Ты, Алексеич, не расстраивайся, – говорит. – Не порть себе здоровье. Ничего с твоими угодьями не произойдет. Ответственные товарищи из Тарасова приехали свежего воздуха глотнуть, а ты так их встречаешь!..

– Воздухом хорошо на прогулке дышать, – отвечаю. – В машине воздух везде одинаковый. А вас, Семен Семенович, предупреждаю персонально – никакой охоты! Раз уж товарищи ответственные, значит, ответственность должны осознать!

– Въедливый ты мужик, Алексеич! – сказал мне Потягин. Улыбаться он к тому времени перестал. – Можно сказать, занудный. Тебе не с людьми работать, а где-нибудь в монастыре отшельником жить. Сколько я тебя знаю, ты не меняешься. А между прочим, жизнь на месте не стоит, не обратил внимания? А с теми, кто не успевает приспособиться к новым обстоятельствам, знаешь что бывает? Они вымирают – как мамонты!

– Насчет мамонтов не знаю, – это я ему говорю. – Мне о своем зверье позаботиться надо. Закон еще никто не отменял. И действовать я буду в соответствии с законом, что бы вы тут ни говорили!

– Да кто тебе не дает? – удивился Потягин. – Действуй, пожалуйста, только не переусердствуй!

Потягин, он маленький, круглый как мячик, а лицо хитрющее – сам улыбается, а в этот момент думает, как бы тебя вокруг пальца обвести. Но меня-то обвести сложно, я эту публику давно знаю.

– Прошу покинуть уголья! – повторяю. – Пока неприятностей не получилось.

Потягин мигнул своим и покладисто отвечает:

– Да не волнуйся, Алексеич! Все путем! Уже уезжаем! Можешь считать, что нас тут вообще не было.

После этих слов они, и правда, стали в свой джип усаживаться. Не особенно торопились, вроде достоинство свое не хотели ронять передо мной. А я считаю, если ты поступаешь сообразно с законом, то поступаешь именно достойно, и ничего унижительного в том нет. Странно, что люди этого не понимают.

В общем, пошел я потихоньку, а вскоре они меня на машине обогнали и как будто уехали из леса. Но в душе я им не поверил ни на грош – начальники из области не за воздухом сюда ездят. Короче, прикинул я, что они собираются ночью охотиться – из-под фар. Варвары и есть варвары.

Дождался я ночи и опять из дому. Жена говорит: «Ты, может, вообще в лес переселишься? Берлогу себе выкопай и живи!» А я ей говорю: «Гости приехали, озоровать будут, нутром чую!»

Так и вышло. Где-то за полночь слышу выстрелы. Определил направление – и туда. Я верхом, добрался быстро. Вы-

езжаю на поляну, вижу – все та же компания. Джип стоит, фары горят, тут же охотнички мои – все навеселе – смеются, ружьями машут. А на траве две тушки – косули, значит. А в это время у них гон заканчивается, охота категорически запрещена. Да и вообще это свинство – во время гона зверя бить. Тем более официальное лицо предупреждало.

Мне уже лет немало, но вот этот цинизм, хищничество это меня до бешенства доводит. Иной раз аж горло перехватывает от ненависти. Но конфликтовать я не имею права. Мое дело исполнять закон.

В общем, спешился я и сдержанно так говорю:

– Что же вы, господа хорошие, по ночам тайком шаритесь, как воры? Где же ваша ответственность и где же ваши обещания? Следует так понимать, что совести у вас совсем не осталось, а потому будем сейчас протокол составлять.

Тогда Потягин с сутулым переглянулись – это я потом узнал, что его Горохов фамилия, – и Горохов мне развязно так говорит:

– Ну вот что, мил человек! Ты нам отдых не порть, пожалуйста. Потому что у нас очень серьезная и напряженная работа, и отдых просто необходим. Давай по-хорошему договоримся – ты нас не видел! А то ведь мы тоже можем тебе отдых испортить!

– С такими, как вы, я никогда не договаривался, – говорю я ему. – Если не верите, спросите у своего дружка Потягина. Я вас предупредил, и теперь будете отвечать по закону. И

меня пугать не надо, я пуганый!

Тогда этот Горохов сделался злым и сказал с упреком Потягину:

– Я тебе, Семеныч, этого никогда не прощу! Ты мне чего обещал? А теперь получается, я в каком-то дурацком протоколе фигурировать буду, так, что ли?

Потягин тоже разозлился, но перед Гороховым залебезил и сказал, что все уладит. Он тоже пьяный был, поэтому полез ко мне с угрозами. Но меня этим не возьмешь. Я ружье с плеча сдернул и предупредил:

– Я при исполнении! Прошу об этом не забывать!

А дальше все произошло очень быстро. Второй, мордастый и белобрысый – по фамилии Букреев, как я узнал потом, – был пьянее всех. И очень я ему, видно, не понравился – еще с самого начала. Такие, как он, всех считают идиотами только по той причине, что у людей нет больших денег. Да ведь больших денег на всех не хватает, и ум, я полагаю, тут ни при чем. Но Букреев считает иначе. Я по его понятиям – ничтожество, вредное насекомое, которое нужно давить, если оно мешает жить. Если бы я не мешал, он бы меня и не заметил. А тут, на тебе! Да еще к тому же, повторяю, он сильно выпивши был.

Ну, покрыл он меня отборным матом и велел убираться. В самой грубой форме. Это меня, человека, которого государство поставило, чтобы лес охранять! Я, конечно, возмутился и тоже что-то сказал. Тут он и выстрелил.

Толком я ничего и не помню. Грохнуло сильно, и в грудь меня ударило. Сознания я не потерял, но упал сразу. И все мне вроде безразлично было. Лежу себе как бревно, и ничего меня не касается. Эти вокруг меня засуетились, заговорили чего-то, а я слышу, но слов не понимаю. И слабость страшная.

Потом они в машину сели и уехали. Даже добычу свою брать не стали. Наверное, протрезвели, когда поняли, что наделали. Видно, они думали, что я убит. Конечно, я так бы и помер там, но лошадка моя домой вернулась, и домашние, конечно, всполошились. Все меня искать бросились – ну, и нашли, слава богу, быстро. В сельскую больницу отвезли, там у нас врач толковый – он меня поддержал, пока я там валялся. Санавиацию вызвал. В общем, спасли меня.

Только промашка у нас вышла – в милицию поздно обратились. Да и милиция не особо расторопно действовала. Короче, на месте происшествия осмотра даже толком не сделали, экспертизу моего ружья не провели, а свидетелей, сами понимаете, раз-два и обчелся. Да и свидетели-то – Потягин да Горохов – то ли свидетели, то ли соучастники. В общем, следствие сразу же началось с большими упущениями.

Правда, эту тройцу взяли в тот же день. Поэтому замять дело не удалось. Они спяну-то да впопыхах в овраг опрокинулись. Дело обошлось без жертв, но машину помяли. И сначала в милицейском протоколе факт нетрезвого состояния был отражен. Это потом протокол куда-то затерялся.

Кстати говоря, на первом допросе ни Потягин, ни Горохов не отрицали тот факт, что Букреев выстрелил в меня. По-видимому, они боялись, что их объявят соучастниками убийства. Правда, они отрицали, что выстрел был произведен намеренно, и оба говорили, что Букреев нажал на спусковой крючок случайно. Подтверждали они и факт браконьерства — сначала.

Это потом начались твориться чудеса. Пока я лежал в больнице, все трое изменили показания. Теперь они заявляли, что даже не имели намерения охотиться в заказнике, а просто собирались пострелять на природе по бутылкам. И уж, разумеется, никаких косуль они и в глаза не видели. По их словам выходило, что я набросился на них, мирно отдыхающих на поляне, угрожал им и даже выстрелил первым. Поняв, что их жизнь в опасности, Букреев выстрелил в воздух, чтобы остановить меня, но было темно, и пуля попала мне в грудь. Посчитав, что я убит, они отправились за машиной, чтобы сообщить о несчастье. Вот такие добрые люди.

Зла на них лично у меня нет, бог им судья. Но если суд оправдает, для общества в целом будет плохо. Такая безнаказанность развращает. И появляется искушение повторить то же самое. А природе наносится непоправимый урон. Поэтому когда я немного оклемался, то активно вмешался в это дело. Я говорил и со следователем, и с милиционерами, которые начинали все раскручивать. Я им говорил — вы мужики или нет, черт возьми! Вы же видели, что эти горе-охот-

ники были пьяными, вы же видели убитых косуль на поляне. Вы же знаете, что ни в кого я не стрелял! И что толку? Самые совестливые только отводили глаза, а иные даже советовали умерить пыл.

Но они не на того напали. Я буду бороться до конца. Они меня не запугают. Между прочим, у одного из этих охотников совесть не до конца потеряна. Я ведь и с ними встречался, говорил по-мужски.

Букреев, тот сдрейфил, даже на порог меня не пустил. Потягин, как всегда, посмеивался да успокаивал меня, говорил, что главное – здоровье. В общем, намекал, чтобы я не рыпался. Да я ничего другого от него и не ожидал.

А вот третий, Горохов, по-моему, что-то понял. Удалось мне к нему пробиться. Показал я ему свои шрамы, про истребление живого мира лекцию прочел, спросил, как ему спится по ночам и как он людям в глаза смотрит. Он слушал меня и кривился. Однако языком болтать не стал и намеков никаких не делал.

А потом через адвоката я узнал, что он, Горохов, вроде бы собирается на суде сказать, как все было на самом деле. То ли слова мои до него дошли, то ли он счел нужным, как это говорится, дистанцироваться от Букреева, рассудив, что если дело все-таки обернется в мою сторону, то он, Горохов, будет выглядеть очень некрасиво – не знаю.

Недели две назад уже заседание суда было назначено. Вдруг получаю известие – отменяется. Я опять через адво-

ката узнаю – что-то не заладилось, и вроде Горохов опять на попятную пошел. То есть Букреев его переубедил, выходит.

Я насчет этого Букреева выяснил: человек далеко не безупречной репутации в прошлом, теперь бизнесмен, занимается перепродажей цветного металла – тоже не самый невинный бизнес, между прочим. По идее получается, что не Горохов от него зависит, а наоборот. Но кто знает, какие там у них закулисные отношения?

Словом, один раз они уже пытались устранить меня физически, а теперь хотят уничтожить морально. Но я не собираюсь сдаваться. И скрывать ничего не хочу. Можете все это отразить в вашей газете, если, конечно, хватит духу. Я же понимаю, что вы тоже от чиновников зависите – они вам всегда кислород перекрыть могут. Только ведь я не о себе пекусь и не отомстить хочу. Природу жалко. Это ведь дело общее. Так и напишите, если все-таки решитесь материал этот давать.

А насчет того, какой я человек, в селе любого спросите. Думаю, вам каждый скажет, что я в жизни не ловчил. Неудобный я человек, это правда, но душой никогда не кривил и своей выгоды не искал. Это даже враги мои подтвердят. Может, и нескромно так говорить, но сейчас не о скромности речь.

Глава 6

Кряжимский выключил диктофон и обвел нас задумчивым взглядом.

– Я действительно встречался с людьми, и, надо сказать, репутация Артамонова подтверждается всеми. Даже теми, кто от него пострадал. У меня есть записи разговоров. Все в один голос говорят, что Артамонов – мужик честный, прямой и делу своему служит истово. И, между прочим, абсолютно непьющий и очень хладнокровный. Никто не верит, что он стал бы стрелять в Букреева. Это полный абсурд. Не знаю, как вам, но мне кажется целесообразным использовать этот материал в газете.

Мы с Виктором переглянулись.

– Конечно, мы этим займемся, – сказала я. – Но не будем упускать из виду то, с чего мы начали. Преступление в Караманском районе заслуживает внимания, но давайте подумаем, как оно может быть связано с событиями последних дней. Не знаю почему, но я чувствую, что выстрел в Лунькова – это эхо того выстрела в лесу. Оба события слишком серьезны и разделены не столь уж большим временным интервалом... И пусть у нас до сих пор нет доказательств, что стреляла именно дочь Горохова, но косвенные улики все-таки намекают на это. А потом, реакция Горохова! Ведь, по сути дела, он даже не возмутился и не был удивлен моим

заявлением! Он просто постарался немедленно прекратить неприятный разговор...

– Да-а, улики очень и очень косвенные! – неодобрительно заметил Кряжимский. – И все-таки я склоняюсь к мысли, что студент пострадал из-за своей непорядочности.

– Мы так и будем топтаться на месте, – с досадой сказал вдруг Виктор, – пока не начнем активно искать Лунькова!

– Знаете, что Виктор имеет в виду под активным поиском? – спросила я у Кряжимского.

– Догадываюсь, – ответил Сергей Иванович.

– И что вы на это скажете?

– Я бы посоветовал вам не увлекаться. Есть другой вариант. Может быть, вам, Ольга Юрьевна, стоит повторить визит в мэрию? Продемонстрировать господину Горохову эту запись и намекнуть, что мы собираемся всколыхнуть общественное мнение?

– Видите ли, Сергей Иванович, – вздохнула я. – Я теперь в мэрии персона нон грата. Горохов запретил пускать меня к нему на порог.

– Прекрасно! – спокойно заявил Кряжимский. – Но в отношении меня он такого распоряжения не давал, верно? Значит, этот визит нанесу я. Вы не возражаете?

– В принципе нет, – ответила я. – Но на что вы рассчитываете? Горохов твердокаменная личность. Эта запись не является доказательством, она не сможет его напугать. И почему вы думаете, что, скрывая одно преступление, он призна-

ется в другом? Я имею в виду преступление его дочери.

Сергей Иванович пожал плечами.

– Ольга Юрьевна, дорогая! – сказал он мягко. – Я не собираюсь никого пугать. Если вы обратили внимание, в рассказе Артамонова прозвучало некоторое уважение к одному из участников той драмы, а именно к Горохову. У Артамонова даже были сведения, что Горохов не собирается покрывать преступника. По какой-то причине он впоследствии изменил свое намерение. Почему это произошло, мы не знаем. Но я исхожу из мысли, что у Горохова еще сохранилась совесть. Может быть, ему нужен какой-то внешний толчок, чтобы он все-таки прислушался к ее голосу? Мне просто хочется побеседовать с ним по душам, понять, что у этого человека на уме. Если хотите, даже предложить сделку. Ведь материал, который мы можем опубликовать в газете, не обязательно должен иметь обличительную окраску. Свидетель, который нашел в себе мужество сказать правду на суде, заслуживает самых теплых слов, не так ли?

– Вы полагаете, Горохов на это клюнет?

– Надеюсь. Рано или поздно суд состоится. Наверное, приятнее чувствовать себя честным человеком, чем лжесвидетелем, да вдобавок стать сомнительным героем газетных статей! Думаю, для чиновника его ранга это немаловажно.

– А вот я в этом не уверена, – заметила я. – Мне кажется, он будет с вами молчать как партизан, а на суде выгораживать своих приятелей. И плевать ему на общественное мнение.

ние!

– По-моему, это невеликодушно, – покачал головой Кряжимский. – Стоит ли заранее подозревать человека в полном отсутствии у него благородных побуждений?

– Из того, что мы знаем о Горохове, – возразила я, – трудно сделать вывод о наличии у него этих самых побуждений.

– Ну, не будем отчаиваться! – убежденно заявил Кряжимский. – Утро вечера мудренее. Завтра я непременно добьюсь аудиенции у господина Горохова и заставлю его меня выслушать. Только я попрошу вас – пусть кто-нибудь сделает копию этой записи. Оригинал, разумеется, должен остаться в редакции.

На том мы и порешили. Пленку переписали, и Сергей Иванович, взяв копию, отбыл домой – после трудного вояжа ему следовало отдохнуть.

Смотреть в жалобные глаза Маринки у меня не было сил – ничего ободряющего сообщить ей я не могла, поэтому тоже отправила ее домой.

Я закрылась в кабинете, сидела в кресле, смотрела в стенку и думала о том, что мы теряем время, в результате останемся в дураках. Я уж не говорю о том, что Маринка никогда не получит своих денег. Хотя деньги-то – дело наживное! Меня больше заботит, чтобы преступникам было воздано по заслугам, а газета получила сногшибательный материал. Тогда мы сможем оказать Маринке материальную помощь.

Предположим, Горохова кто-то напугал, размышляла я.

Зачем ему в самом деле выгораживать этого Букреева? Пусть даже суд объявит Букреева невиновным – позиция Горохова при этом будет выглядеть очень некрасиво и популярности ему не прибавит... Никто не поверит смехотворной выдумке о стрельбе по бутылкам. И зачем ему это надо? Не выгоднее ли ему сдать Букреева со всеми потрохами? Мол, ошибся в человеке, даже другом считал, а он меня подставил, и я не хочу иметь ничего общего с преступником.

Допустим, я права. Но кто мог напугать человека при такой должности? Это мог быть только Букреев. Однако Артамонов правильно заметил – это Букреев зависит от Горохова, а не наоборот. Так что, думаю, свою линию он выдерживает по велению сердца.

Хотя Артамонов также заметил, что совсем не уверен в своем предположении. Отношения чиновник – бизнесмен – вещь очень интимная, здесь трудно разобрать, кто от кого больше зависит.

Вот мы и пришли туда, откуда начали.

Делать нечего, придется принять предложение Виктора. Я почти физически ощущала, как утекают драгоценные минуты.

Я позвала к себе нашего фотографа.

– Действуй! – предложила я. – Сегодня сходи на Бахметьевскую. Надо подготовиться – выяснить, как расположена квартира, какой замок в двери, сколько соседей... Пусть это будет чисто внешний осмотр, обещаю, что больше никаких

действий предпринимать не будешь. Ведь разведка необходима – без нее соваться в квартиру неразумно.

Виктор не сказал ничего. Он просто чуть склонил голову в знак согласия.

Глава 7

Когда утром я появилась в редакции, меня встретил аромат свежего кофе и бодрая Марина в броском серебристом платье и с причудливыми клипсами в ушах. Первый шок уже прошел, и, кажется, наша секретарша постепенно обретала утраченный было оптимизм.

Рядом вертелся Ромка, искательно заглядывая мне в глаза.

– Что у вас, молодой человек? – строго поинтересовалась я.

Из его сбивчивой, взволнованной речи я поняла, что наш юный курьер разочарован ходом расследования, а точнее, собственной, чрезмерно малой ролью в нем. Его исключительные способности и молодая энергия, как он считал, заслуживают большего. От внимания Ромки не укрылось, что последние обсуждения проходили в узком кругу.

– Не лезь поперек батьки в пекло! – посоветовала я ему. – Энергии и способностей у нас хоть отбавляй. Фактов не хватает! У тебя есть какие-нибудь факты?

Обиженно засопев, Ромка признался, что с фактами у него тоже туго. Я удалилась в свой кабинет, куда Маринка тут же внесла поднос. Не успела я сделать первый глоток, как появился Виктор, чрезвычайно активный и серьезный.

– Докладываю! – значительно сообщил он. – Стандартная

пятиэтажка, второй этаж. Трое соседей. Днем все на работе. Замок простой. Ну что – действуем?

– Кряжимский еще не появлялся, – заметила я, очарованная красотой речи нашего молчуна фотографа. – Поэтому успокойся и выпей кофе. Что-то вас всех сегодня энергия распирает – может быть, на солнце выброс был, ты не слышал?

Реагировать на мое ехидство Виктор не счел необходимым.

Так как чиновники постоянно загружены работой по самые ноздри, трудно было ожидать скорого возвращения Сергея Ивановича – если только его не отфутболят решительно и бесповоротно.

Он появился примерно через час, и нам сразу стало ясно, что ему есть что сказать. Однако он не торопился и сначала, по нашему обычаю, попросил приготовить кофе. На лице у него было озабоченное и чуть виноватое выражение.

– Не томите, Сергей Иванович! – попросила я.

Но он все не решался начать и, лишь с удовольствием отхлебнув горячего кофе, приступил к докладу.

– Да-с, этот Артур Евсеевич – крепкий орешек! – сказал он то ли с одобрением, то ли с осуждением. – Но есть у него одна хорошая черта... Быстро принимает решения!

– Что вы имеете в виду, Сергей Иванович? – спросила я. – Неужели Горохов принял решение нам помочь?!

– Я бы так не сказал, – осторожно ответил Кряжимский. –

Но по крайней мере он принял решение нам не мешать. Во-первых, он не отказался со мной встретиться, что уже хороший знак. Не скажу, что он мне обрадовался, но был вежлив, хотя и не очень приветлив. Я не стал ходить вокруг да около и сразу поставил ему записку. Горохов слушал ее около минуты, а потом попросил выключить и поинтересовался, чего я хочу. Я прямо сказал, что хочу опубликовать этот материал, нисколько не приукрашивая и не обходя острые углы. Горохов спросил, зачем мне это нужно. Подтекст был таков – сколько я намерен на этом заработать? Я ответил, что единственное мое желание, чтобы люди знали правду. Ведь вы-то намерены ее скрыть? – спросил я напрямик. После этого Горохов глубоко задумался, и я решил, что меня сейчас выставят. Но затем он поинтересовался, может ли забрать записку с собой. Получив согласие, Горохов посмотрел мне в глаза и веско заявил, что публикация этого материала будет неуместной, потому что создаст у граждан ложное представление о власти. В ваших силах сделать так, чтобы публикация была иной, ответил я. Тут он опять задумался и попросил меня не торопиться. «Дайте мне неделю, – сказал он. – Мне нужно разобраться с одним человеком, тогда я смогу продолжить наш разговор». Я поинтересовался, кто этот человек, не Луньков ли? Вы знаете, в этот момент глаза Горохова сделались какими-то мертвыми, и я понял, что попал в самую точку. Но он сделал вид, будто не расслышал вопроса, и намекнул, что аудиенция закончена, сославшись

на неотложные дела. Таким образом, Ольга Юрьевна, получается, что Луньков действительно как-то связан с событиями полугодовой давности, интуиция вас не подвела. Прямых подтверждений у нас по-прежнему нет, но поведение Горохова недвусмысленно указывает, что именно Луньков стоит у него поперек горла. Никаких обещаний в итоге мы друг другу не давали, и я думаю, как мы поступим дальше, зависит от вашего решения.

Они оба выжидательно уставились на меня.

– Ну, авантюристы! – беспомощно проговорила я. – Считайте, что вы меня уговорили! А теперь покиньте кабинет – мне нужно переодеться. Неужели вы думаете, что я соглашусь участвовать во взломе, не изменив внешности?

Мужчины понимающе переглянулись и вышли из кабинета. Я достала из шкафа свой маскарадный костюм, в котором занималась на проспекте снятием порчи, и переоделась. Полной уверенности, что теперь в этом наряде мне повезет больше, конечно же, не было, но я решила не поддаваться суевериям.

Маринка проводила нас взглядом, в котором отчетливо читалась тревога, Ромка смотрел на нас с неприкрытой завистью, по-видимому, вообразив себе невесту что, и только один Кряжковский знал, в чем дело, но хранил молчание.

– Только, ради бога, будьте осторожнее! – шепнул он нам напоследок. – Не увлекайтесь!

До Бахметьевской мы добрались на общественном транс-

порте: не хотели оставлять своих примет таксисту – кто знает, как могло обернуться дело. Виктор чувствовал себя совершенно уверенно, входя в подъезд пятиэтажного дома. Но я обратила внимание, что прежде он все-таки не преминул убедиться, что никто за нами не наблюдает. Мне оставалось только положиться на навыки бывшего разведчика и на счастливый случай.

Мы поднялись на второй этаж, и Виктор обыденным жестом извлек из кармана связку ключей. Кажется, к визиту он подготовился основательно. Весь вопрос был в том, как быстро удастся подобрать нужный ключ. Я начала немного нервничать.

Однако впереди нас ждала новая неожиданность. Когда Виктор остановился возле двери, ведущей в квартиру Лунькова, и попытался вставить ключ в замочную скважину, дверь вдруг без усилий приоткрылась. Оказалось, она была незаперта.

На секунду мы опешили. Но затем Виктор решительно шагнул через порог и впустил меня. В квартире было очень тихо и отвратительно пахло. В голове у меня мелькнула шальная мысль, не поджидает ли нас здесь сюрприз в виде мертвого тела.

Мы осторожно прикрыли дверь и стали исследовать квартиру. До нас это уже проделал кто-то другой – тут никаких сомнений не оставалось. Такого разгрома мне никогда прежде не доводилось видеть. Была перевернута вся мебель,

выпотрошен матрас, взломаны все ящики. Трудно было сказать, что представляла собой эта квартира раньше, – теперь она больше всего напоминала просто свалку. Сходство усиливалось еще и тем, что на кухне прокисли и сгнили все продовольственные запасы, выброшенные из холодильника. Впечатление было сногсшибательное.

– Да, тут основательно поработали! – вполголоса заметила я, обозревая разгромленную квартиру. – Интересно, что они искали? Нашли ли?..

Виктор отрицательно покачал головой.

Он был прав. Судя по тому, что в доме не осталось ни одного нетронутого уголка, искали до последнего. А значит, скорее всего не нашли. И, кроме того, я уверена, что Луньков захватил ЭТО с собой...

Однако вряд ли он захватил с собой пулю, которой в него стреляли. И гильзу. Мы можем попробовать их найти.

Виктор отправился в прихожую искать следы покушения, а я занялась комнатой, пытаюсь разобраться в ворохе белья, разбросанных рубашек и перебитых видеокассет. Надо сказать, в барахле Лунькова было на удивление мало следов его личности. Точнее, их не было вовсе – ни записных книжек, ни писем, ни фотографий, подтверждающих какие-нибудь личные связи, привязанности, круг интересов. Вполне возможно, все это забрали похитители, но хоть что-то должно было остаться! Скорее всего студент Луньков жил одним днем, ни к чему сильно не привязываясь и ни о чем особен-

но не мечтая. Думаю, и наша несчастная Маринка была для него лишь приятным, но незапоминающимся эпизодом.

И все-таки мое усердие было отчасти вознаграждено. После получасовых поисков я обнаружила за спинкой дивана завалившуюся туда карточку из белоснежного картона, на которой типографским способом были вытеснены две переплетенные розы – алая и белая. Шипы, изображенные на стеблях, выглядели довольно угрожающе.

Я повертела карточку в руках, тщетно пытаюсь вспомнить, где могла видеть подобную картинку. Память услужливо подсовывала мысль о Войне Алой и Белой розы, но я понимала, что это не то, а переплетенные розы я видела где-то совсем в ином контексте. На обороте картонки было напечатано: «Клуб «Шипы и розы». Добро пожаловать!» И эта надпись показалась мне знакомой, но я никак не могла понять откуда.

Решив не ломать зря голову, я забрала карточку с собой и вышла в прихожую, где Виктор задумчиво разглядывал пистолетную гильзу.

– Ты все-таки нашел ее? – обрадовалась я. – А пуля?

– Пулю в таком бардаке найти будет затруднительно.

Итак, улов нам достался совсем не богатый. Признаться, я рассчитывала на большее. Но в данном случае прав оказался Виктор – мы успели к шапочному разбору. Поэтому теперь нужно было довольствоваться малым и уйти без шума.

Перед уходом Виктор освободил язычок замка и запер

дверь, чтобы Луньков не лишился последнего своего имущества, Кстати, наверняка дверь оставили открытой, чтобы у кого-нибудь еще возник соблазн здесь покопаться. Своеобразное замечание следов.

Мы вышли на улицу и постарались побыстрее убраться с места преступления. Кажется, никто не обратил на нас внимания. На ближайшей остановке мы сели в троллейбус и доехали до центра города. Остаток пути проделали пешком.

– Так что ты можешь сказать об этой гильзе? – напомнила я Виктору.

– Это гильза от ослабленного патрона 9х17, – сказал он. – Выпускается для пистолета «Иж-71».

Я знала, что эта марка считается служебным оружием, и в принципе именно на такой пистолет без труда мог получить разрешение Горохов. Среди гангстеров эта модель абсолютно не популярна – слишком мала мощность. Между прочим, Маринка обратила внимание, что звук выстрела был не особенно громким – это характерно для таких пистолетов. Так что у нас как бы появилось еще одно косвенное свидетельство, что стреляла дочь Горохова. Папа-чиновник имел право на приобретение нарезного оружия и не преминул этим правом воспользоваться. Но, по-видимому, не уделял должного внимания хранению, и пистолетом воспользовалась дочь. Но пистолет должен быть зарегистрирован, и если он, допустим, исчез или в нем не хватает патронов, а из ствола пахнет свежей гарью, то к владельцу неизбежно воз-

никают вопросы, на которые он по своему обыкновению не ответит.

– Только что это нам дает? – продолжала я рассуждать. – Мы по-прежнему крутимся вокруг Горохова, и по-прежнему никакой зацепки насчет Лунькова и тех, кто за ним охотится!

Кстати, о той картонке с двумя розами... Она ведь что-то должна означать? Где-то я уже видела эту карточку – только никак не могу вспомнить.

В редакции на обсуждение наших трофеев мы собрали всех. Не посвящая сотрудников в подробности, я продемонстрировала гильзу и картонку с изображением роз.

– Начнем с марки оружия, – объявила я. – Девушка, стрелявшая в Лунькова, воспользовалась служебным пистолетом. Такая модель вполне доступна чиновнику, и не исключено, что этот пистолет хранится у Горохова дома...

– Скорее, хранился, – поправил меня Кряжимский. – Вполне возможно, что стрелявшая избавилась от пистолета, как только вышла из дома. Например, выбросила в мусорный ящик...

– Возможно, – сказала я. – Но, так или иначе, пистолет может числиться за Гороховым. Отсутствие пистолета ему тоже придется объяснить... Теперь следующая находка...

Маринка, которая, слушая меня, напряженно морщила лоб, наконец сообразила.

– Вы были у Славика? – спросила она и неуверенно добавила: – Вы... вы его видели?

– Если бы! – мрачно усмехнулась я. – Но, между прочим, никто из нас ничего подобного не говорил, соображаешь?

Маринка сосредоточенно кивнула и тут же потянулась к следующему трофею.

– Это вы тоже нашли... там, где вы не были? – с запинкой спросила она. – И что это такое? Я, кажется, ничего похожего не видела.

– Но, может быть, ты слышала что-нибудь о клубе «Шипы и розы»? – спросила я. – Ты у нас спец по всяким тусовкам.

– Вы преувеличиваете, – пробормотала секретарша. – А про такой клуб я вообще не слышала...

– Может быть, вы, Сергей Иванович? – посмотрела я на Кряжимского.

Он повертел в пальцах кусочек картона и вежливо пожал плечами.

– Как-то ничего в голову не приходит, – признался он. – Если бы здесь был указан адрес или телефон – можно было бы связаться...

Неожиданно послышался какой-то странный звук, похожий на кашель, все обернулись и посмотрели на Ромку. Звуки эти, несомненно, исходили от него. Наш курьер был крашен как помидор и силился что-то произнести, но из-за смущения это ему никак не удавалось. Заметив сосредоточенные на нем взгляды, он смешался окончательно и даже перестал кашлять.

– Ты что-то хотел сказать, Ромка? – ласково поинтересо-

валась я.

Мальчишка отвел в сторону глаза и быстро пробормотал:

– Вроде я видел такую эмблему...

– Вроде или все-таки видел? – строго спросил Виктор.

Ромка кивнул и, стараясь говорить солидно, ответил:

– Точно видел! В этой... в газете «Интим». На странице объявлений. Мы переглянулись. Бедному Ромке, наверное, стоило немалого мужества объявить вслух, что он почитывает эротическую газетенку. Если бы не профессиональный долг, вряд ли бы он решился на такое признание. В его возрасте это очень трудно сделать. Поэтому, отдавая ему должное, я постаралась немедленно погасить двусмысленные улыбки и переглядывания и деловито сказала:

– Это очень любопытно! Но, кажется, эта газета выходит по воскресеньям? Кто-нибудь знает, можно найти этот «Интим» в киоске сегодня?

Все почесали в затылке – за подобной печатной продукцией у нас никто не следил. Ромка опять зарделся, потом побледнел и наконец объявил решительно:

– У меня случайно завалялся один... Сейчас принесу!

Он стремительно сорвался с места и вышел из кабинета. Маринка хихикнула. Я строго посмотрела на нее и заметила:

– В данном случае эмоции неуместны. Мы заняты делом. А слабости могут быть у каждого. Причем слабости некоторых доставляют окружающим массу хлопот...

Марина надула губы и отвернулась с независимым видом.

Я знала, что долго обижаться она не умеет, поэтому несколько не обеспокоилась. Подростки значительно тяжелее переносят насмешки.

Вернулся Ромка, держа газету уже раскрытой на странице объявлений – ему явно не хотелось шокировать нас содержанием остальных страниц. Но опасения его были напрасны – сама газета никого не интересовала. Зато все жадно уставились на изображение двух переплетенных роз, которое красовалось среди многочисленных объявлений о массаже, саунах и прочем двусмысленном досуге.

– В самом деле! – немного удивленно воскликнул Кряжимский. – Рисунки совершенно идентичны. Должен признаться, мне бы и в голову не пришло... Хвалю вашу наблюдательность, молодой человек! И что же здесь написано?

– «Райское наслаждение, – по слогам прочла я. – Только у нас. Конфиденциальность гарантируется». – Я вопросительно посмотрела на Ромку. – И что это значит?

– А мне-то откуда знать? – опять вспыхнул тот.

– Ну-у, я думала – раз ты читаешь эту газетку, то должен знать, – невозмутимо заметила я. – Райское наслаждение... Похоже на тайный пароль мазохистов.

– Садомазохистов, – поправил меня Кряжимский. – Насколько я понимаю, две эти категории должны быть неразлучны. Или я ошибаюсь?

– В этой области я не эксперт, – фыркнула я. – Ни к тому, ни к другому склонности никогда не испытывала. Вопрос в

том, какое отношение к этому клубу имел Луньков? – задумчиво проговорила я и невольно посмотрела на Маринку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.